

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Калинин

ЯКУДЗА

из другого мира 3

Алексей Калинин

Якудза из другого мира 3

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Калинин А.

Якудза из другого мира 3 / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Меня вырвали из родного мира для того, чтобы свершить месть. Сразу же появился незамысловатый выбор: или подохнуть под ногами бандитов, или же победить их. Я победил, но оказался втянут в очередное преступное сообщество. Что же, мне не привыкать, ведь я и в прошлой жизни был наемным убийцей, а тут... Правда, тут я ещё и школьник, но так даже лучше - кто подумает дурное на неуклюжего увальня?Примечания автора: Третий том легкого и ненавязчивого произведения о попаданце. На достоверность и логику не претендует от слова "вообще". Что будет? Страсти костерок, от эмоций матерок, кучка девчушек и чуток потрахушек. Снова будет мат, секс и рок-н-ролл))Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Калинин

Якудза из другого мира 3

Глава 1

– Такаги-и-и-и-са-а-ан! – раздался крик сэнсэя Норобу. – Тащи сюда этого тэнгу! Чего ты с ним возишься?

– Я не могу! – крикнул я в ответ.

– Почему-у-у?

– Он не пускает!

И в самом деле тэнгу меня не пускал. Этот здоровенный амбал с красной рожей и длинным носярой вцепился в меня так жестко, что ребра начали похрустывать. Ещё и шнобелем норовил глаза выбить, как клювом. Приходилось уворачиваться изо всех сил.

Это была необычная тренировка... Да если признаться честно – два таких понятия, как сэнсэй Норобу и обычная тренировка нельзя ставить рядом. Обязательно будет какая-нибудь закавыка. Сегодня этой закавкой была огромная и очень сильная херня.

Сэнсэй сказал вчера, что ему передали информацию, как будто на горе Такао, неподалеку от Токио, обнаружили тэнгу. Норобу понадобились перья из крыльев этого существа для каких-то своих настоек. Вот поэтому мы сегодня здесь, среди буреломов, густых лесов и очень острых камней. Что камни острые я понял в тот миг, когда выслеженный за полдня тэнгу отказался мирно прийти на поклон к сэнсэю и оставить по-мирному чуток перьев.

Само это существо походило на кавказца, который недавно вышел из бани. А ещё с крыльями... Да-да, за спиной трепыхались два мощных черно-белых орлиных крыла. В общем, тэнгу – дикая смесь из бомжа, индейца, кавказца и ангела. И вот эта смесь сейчас сжимала меня в объятиях настолько страстно, как будто я был его любимым дедушкой и притаранил горшок рисовых шариков с медом.

– Пусти, гандон! – прохрипел я, пытаюсь освободиться.

– Ага, вот лечу и падаю, – гортанно пророкотал тэнгу, и это ещё больше сделало его похожим на кавказца.

– Нам от тебя только перья нужны.

– Мне они самому нужны. Так что помет вам, а не перья!

И ведь оммёдо не сделаешь – притянул руки к телу так, что невозможно сотворить мудры. И что же делать, как же быть? А ребра уже трещали так, что ещё немного и начнут ломаться натянутыми стропилами.

Я бросил взгляд по сторонам, но ничего не обнаружил. Даже до камня, размером с лошадиную голову не дотянуться. Тем более не дотянуться до бамбуковой палки, лежащей рядом. А палка крупная, толще руки... Похоже, что полая, так что вряд ли сгодится в виде оружия, а вот в виде развода...

В ушах зашумело, в животе заурчало, того гляди и полезет из меня начинка...

– Ладно, хуй с тобой! – прохрипел я. – Убивай, скотина этакая. Убивай пацана невинного, прими на душу грех тяжкий, а я тебе во снах являться буду... Убивай! Только обещай передать волшебную трубу сэнсэю Норобу.

– Какую волшебную трубу?

Объятия не ослабил, но уже не сдавливал так сильно, как тубик с зубной пастой. У меня даже получилось протолкнуть внутрь легких глоток воздуха. И каким же он был сладким... Даже когда пах немывтыми волосами тэнгу.

– А вот такую волшебную трубу, что через неё весь мир видно. Захочешь и на Крайний Север заглянешь, а захочешь и Африку будешь осматривать. В общем, полезная в хозяйстве штука.

– Да ладно? – на красной роже показалось изумление. – Ты меня обманываешь!

– Ага, тебя обманешь, как же... – просипел я. – Хочешь – посмотри сам. Только без волшебных слов она не работает... Пока я не скажу их, то труба так и останется обычной бамбуковой палкой...

Тэнгу ещё раз с сомнением взглянул на меня, на полую трубу, а после отпустил. Ребра расправились, как паруса корабля. Я смог вдохнуть и горный воздух полился внутрь свежестью ручья в знойный полдень. Я мотнул головой – похоже, что от ударов тэнгу что-то повредилось, раз начал мыслить поэтическими образами.

– Показывай свою волшебную трубу, – рыкнул тэнгу.

Как-то это двусмысленно прозвучало... И ладно бы эта фраза прозвучала от красивой девушки, а то от носатого бомжа с крыльями.

– Такаги-и-и-са-а-ан! Ты где, засранец? – донесся издалека голос сэнсэя.

– Вот, тебя уже ищут! Давай, покажи, как работает эта штука, потом я тебя убью и отдам трубу твоему Норобу.

Охренеть... Мда, очень перспективная просьба. И ведь убьет. Как пить дать убьет. Даже с моими умениями и навыками я вряд ли смогу справиться с ним. Уже пытался – дерется, сволочь, очень больно. И быстр, как пять молний. Мало того, что ещё и от моих оммёдо уворачивается, так ещё может атаковать с воздуха.

– Слышь, а чего ты убивать-то меня собрался? Давай махнемся. У меня к тебе претензий нет, я тебе тоже накомылить не особо успел. Поменяемся? Заберешь трубу, а мне дашь горсть своих перьев. Не жмись, а то за меня потом сэнсэй вступится, с ним ещё тануки – тебе надо такие проблемы? Они ведь ни хрена не предложат, кроме как по пятаку наботать.

– Но если ты врешь... – опять проорчал тэнгу.

– Да что ты заладил... Врешь, да врешь... Я тебя когда-нибудь обманывал? Чего ты тогда начинаешь? Ведь недавно же обнимались, друзьями были...

Тэнгу почесал лохматую голову, покрутил в руках подобранную бамбуковую палку и прислонил её одним концом к глазу. Как и ожидалось, он увидел сквозь неё только дикие заросли и каменистые выступы.

– Твоя волшебная труба вовсе не волшебная! – рыкнул тэнгу.

– Ясен хуй! Пока не скажешь нужные слова, то ничего не увидишь. Чего тупишь-то? Вот что ты, например, хочешь увидеть? – спросил я. – Да отдай ты трубу, а то поломаешь ещё...

– Хочу увидеть Крайний Север! – буркнул тэнгу.

– Тогда запоминай волшебные слова, – я на мгновение задумался, а потом начал нести первое, что взбредет в голову. – Крекс-пекс-фекс-чебурекс, лясим-трясим, ахалай-махалай, ляськи-масьски, шурум-бурум и с боку бантик! Покажи мне, волшебная труба, Крайний Север! На, смотри!

Я дал трубу тэнгу, а тот опять ничего не увидел.

– Ты надо мной издеваешься? Я же тебя сейчас...

– Да ты не туда смотришь! Повернись на север, вот так, – я придержал трубу за другой конец. – Теперь видишь?

– Вот теперь вижу! Это так... Так бело и необычно. Ой, медведя увидел, и он... Он белый! Что это за волшебство?

Мне оставалось только загадочно улыбнуться и изобразить мудрость на лице. Конечно, рожа восемнадцатилетнего мальчишки вряд ли годна для раскрытия хотя бы части той мудрости, что скрывается внутри, но я к этому стремился.

– А теперь покажи мне юг! Я хочу увидеть море, пальмы и горячих знойных девушек! – прорычал тэнгу.

Сказано-сделано. Я снова пробурчал заклинание и помог направить "волшебную трубу" в нужное место. Так и подмывало ударить по другому концу бамбуковой палки, чтобы она пробила череп и вошла в глазницу на полную, но я сдерживал себя. В конце концов, перья нужны с крыльев живого тэнгу...

– Ого, да там и в самом деле красивые девушки, загорелые тела, а уж какие талии... Что за чудо... А вон там мужчина залез на женщину и... Ух! Ну чего ты? – обиженно протянул тэнгу, когда я убрал трубу.

– Как чего? Просмотр закончен. Мы же договорились? Всё в силе?

– Ну ладно, хотя... мне легче убить тебя сейчас и просто забрать трубу. Слова-то я запомнил...

– Слова-то ты не все запомнил. Два основных слова забыл: Норобу и Киоси. Они оба скоро будут здесь и тогда у тебя просто не останется выбора. Но также не останется и трубы, да ещё и перья до самых яиц общипают. Поэтому гони свой обещанный пучок и разбежимся, как в море корабли.

Тэнгу вздохнул, почесал свой шнобель, а после кивнул и вырвал из правого крыла несколько перьев. Даже не ойкнул. Он протянул мне пучок, достойный украсить скальпель индейца, а я ему волшебную трубу.

– Такаги-и-и! – раздалось неподалеку.

– Я здесь! – выкрикнул я, сжимая в руке перья и пряча их в карман. – Идите сюда! А ты... Давай, лети быстрее, а то если нападут, то я не буду тебя защищать.

Тэнгу бросил на меня презрительный взгляд, а после взмахнул крыльями и за несколько взмахов взлетел в вечернее небо. Вслед ему полетел камень из кустов, но тэнгу был настороже и легко поймал его. Тут же молния шарахнула следом за камнем, но и сейчас этот демон, похожий на краснорожего кавказца не сплоховал. Он создал блестящую паутину, которая поймала молнию, спеленала сверкающий заряд и уронила на землю.

Ещё несколько взмахов и от тэнгу осталась лишь точка в небе.

На плато выскочила пара Норобу-Киоси. Что стар, что млад были потными, расцарапанными, а одежда до такой степени украшена колючками, что стали похожи на ежей.

– Что у вас тут произошло? – выдохнул сэнсэй, когда увидел моё бледное лицо.

– В "го" пару партий сгоняли. Я проиграл, – притворно вздохнул я.

Я уже собрался было расхохотаться, крикнуть, что разыграл, но...

– Разъебай ты белобрысый! – в сердцах воскликнул сэнсэй. – Я тебя просил о такой малости – выдернуть перо из крыла тэнгу, а ты...

– А что я-то? – признаться, я слегка опешил.

Смешинка куда-то пропала. Пальцами я поглубже засунул перья в карман. Вот не ожидал я такой вспышки ярости. Нет, ожидал меньшего, но что бы так... А ведь должен уже был привыкнуть.

– Я-я... Наконечник от мясного копья! – не унимался сэнсэй. – Короче, иди куда хочешь, делай что хочешь, но чтобы утром у меня перья были! Такое простое дело, и запорол...

– Сами-то где пропали? – попытался я перевести стрелки.

– Я спасал Киоси. Если не заметил, то тэнгу поставил ловушку и тануки в неё удачно попался. Видишь, все в колючках? Зашвырнула ловушка Киоси в заросли можжевельника и еле-еле выцарапал его оттуда. За что же я провинился так перед богами, что они подарили мне таких несуразных учеников?

Сэнсэй поднял глаза к небесам, горестно вздохнул, потом сплюнул и развернулся. Отправился в обратный путь. Сегодня мы уже вряд ли увидим тэнгу, а вечерние сумерки начали

понемногу сгущаться. Сэнсэй тяжело ступал по камням, иногда всё также горько вздыхая и сетуя на жизнь. Даже его сутулая спина кидала мне упрек в том, что я лох и неумеха.

– Как же ты так-то? – взглянул я на понурившегося оборотня.

– А я чего? Я не виноват, – шмыгнул тот носом. – Тэнгу словно знал, где мы пойдем. Я вступил на бревнышко, а меня схватила за ногу веревка и забросила далеко-далеко. Сэнсэй очень обиделся и сильно ругался. Он надеялся, что у тебя получится...

Пришлось сделать понурое лицо. Ладно, утром разыграю сэнсэя, а сейчас пусть помучается. Я кивнул оборотню Киоси, после чего мы отправились за хмурым Норобу.

А пока мы шуруем по дебрям горы Такао, появляется время подумать и всё взвесить. Если вы до сих пор в недоумении – кто я и кто это со мной, то немного внесу ясность и расскажу, как есть. Я раньше жил в России, подвизался на ниве заказных убийств и даже достиг определенной репутации среди преступных кругов. Увы, моя репутация сыграла против меня – я позволил себе расслабиться. Само собой меня тут же убили.

Ну да, расслабляться нельзя, а то убьют. Или сделают что похуже, как в старом анекдоте.

Убить-то меня убили, но так сошлись звезды, что на месте убийства происходил призыв демонов из Преисподней. И в это же время, в другом мире, один мальчишка позвал на помощь дух непобедимого воина. Призвал во имя мести. Так уж переплелись хотелки неизвестных сверхсуществ, что меня закинуло не в Ад, не в Рай и даже не в Чистилище, а в другой мир, в тело этого толстого пацана.

Не хочу хвастаться победой, потому что убил обидчиков пацана больше с испуга, чем от лютой ненависти. Как потом оказалось, при этом убийстве присутствовала девушка – дочь оябуна якудза Мизуки Сато. Другими словами – дочь босса организованной преступной группировки. Ей понравилась моя техника и она даже определила меня под крыло оммёдзи клана "Крылья ветра". Оммёдзи – это колдун по-местному. Сэнсэй Норобу – щупло-плешивые пятьдесят килограммов яда и ехидства. Но почему-то я ему понравился, и он оставил меня обучаться.

Не скажу, что обучение шло как надо, порой мне было лень, порой ему было неохота. Порой он загибал так, что хоть стой, хоть падай. Но вместе с тем, мужик он мировой и, несмотря на все косяки, мы нашли-таки общий язык.

Как оказалось, у толстого пацана Изаму Такаги был свой личный враг, помешанный на теме каст и чистоте крови. Самому Изаму «повезло» родиться в семье хининов. Повезло потому, что эта каста сначала была из числа неприкасаемых, а потом, благодаря закону о борьбе с дискриминацией, хинины перешли в разряд обыкновенных людей. Правда, до сих пор осталось предубеждение и ненависть, но потихоньку она истребляется. В том числе и вашим непорочным слугой.

Меня ненавидел глава другой группировки якудза, по совместительству старший комиссар полиции. Да, вот такой вот поворот. И вашим, и нашим за пять копеек спляшем. Возненавидел как раз за то, что я соизволил обучаться в одном классе с его сынишкой. А то, что родители Изаму отдали себя в добровольное рабство, чтобы оплатить обучение сына – на это комиссару Мацуда было насрать.

Вернее, не насрать, а даже наоборот. Он поставил мне условие – выиграть три боя на смертельном поединке "Черное кумитэ". Иначе убьет семью Изаму. Что же, пришлось выручать семью пацана...

Пока участвовал в поединках, пока учился в школе и заодно тренировался в элитном клубе "Оммёдо кудо", я подобрал тануки – сироту-оборотня. Киоси был ещё та катастрофа на ножках, но как-то прижился и вовсе не хочет уходить, даже когда сэнсэй гоняется за ним с обещанием оторвать уши.

В итоге я смог победить. Даже смог одолеть комиссара, но на его место вступил сын, который тоже не очень хорошо относится ко мне. Вот так вот и живем с оглядкой. Я стал

коябуном, то есть одним из низших членов якудзы. Из разряда «унеси-принеси-подай-пошел на хрен-не мешай».

Как только освободил родителей Изаму, то устроил его духу прощание с ними. Он рассказал обо мне, о себе и о своём выборе. После этого ушел, а я стал единоличным обладателем пухловатого тела, белобрысых волос и татуировки на щеке, от которой не избавиться, потому что нанесена магическим способом.

Произошла ещё куча событий, был секс, драки, немного рок-н-ролла, но основную историю я вкратце поведал. Вот и лес закончился, началась цивилизация.

Как раз в этот момент мы подошли к машине, за рулем которой сидел Хаяси, личный водитель Мизуки Сато. Он с интересом взглянул на нас, увидел хмурую рожу сэнсэя, всё понял и не задавал вопросов.

До самого дома мы ехали в полном молчании. Сэнсэй делал вид, что меня нет, Киоси просто паялился в окошко. Его семью убили, когда одна из группировок якудза захотела завладеть их магазином. Я обещал помочь Киоси в деле мести, поэтому он в качестве благодарности признал меня боссом. Сэнсэя он считал боссом над боссом.

Дома мы поели в полном молчании. Сэнсэй ушел спать, ни слова ни говоря. Мы с Киоси переглянулись и отправились спать по своим местам. Киоси в основном спал на улице, в палатке. Сэнсэй запрещал ему ночевать дома, потому что тот всегда что-нибудь да разбивал. Неуклюж он, наш оборотень-тануки.

Ночью моей щеки коснулась веточка. Я сразу же поймал кончик и сломал его возле носа. Взглянул в окно, где виднелась озадаченная мордашка Киоси. За мордашкой зачинался рассвет.

– Чего ты? – шепнул я.

– Тут тэнгу прилетел, – прошептал Киоси в ответ.

– Чего-о-о? – протянул я.

– Тэнгу прилетел, тебя спрашивает...

Сон как рукой сбил. Надо же, так легко нашел меня в Токио. И вместе с тем, меня охватило любопытство. Неужели он настолько храбр, что поняв развод, решил отомстить?

Я натянул штаны, легко выскользнул на улицу и огляделся. В самом деле, возле палатки стоял здоровенный тэнгу, опасно озираясь по сторонам. В его огромной лапище покачивалась "волшебная" бамбуковая палка. Да уж, тэнгу явно было неуютно среди мегаполиса.

– Как ты меня нашел? – шепнул я.

– Мой нюх привел сюда! Ты обманщик! – прошипел тэнгу. – Я учуял твой след и прилетел по нему. Почему твоя волшебная труба не работает?

– Она работает, – пожал я плечами. – Возможно, в ней не хватает одной детали, но она работает.

– Какой детали? Мы же договорились!

– Ну да, договорились, что я отдам тебе волшебную трубу, но вот про это, – я показал мобильный телефон. – Мы не договаривались. Так что я всё отдал...

– Но как?

– А вот как, – я набрал на видеохостинге ролик о Крайнем Севере и на экране высветился знакомый белый медведь и снег на льдинах. – А вот тебе знойный юг и горячие девочки. Нужно только экран приложить к другому концу трубы, и ты всё увидишь.

– Ты меня обманул! – едва ли не взвыл тэнгу.

– А ты меня хотел убить... Всё по-чесноку. Ладно, давай, чтобы не было обидно, я отдам тебе мобильник, а ты будешь смотреть на нем всё, что захочешь. Только подзаряжать не забывай. Да ладно, не дуйся. Всё же нормально – ты получил свою волшебную трубу... Я тебе даже симкарту оставляю, правда, другую, но тоже ничего. Сможешь названивать мне, когда будет скучно.

Тэнгу поджал губы, посмотрел на мобильник в своей руке, покрутил большим носом, а после сплюнул:

– Не попадайся мне больше на пути, белобрысый обманщик.

– Не попадусь, тэнгу. Прощай, извини, если что. И спасибо за всё.

Тэнгу помотал головой, осмотрелся, а потом взмахнул несколько раз крыльями и отправился в сумеречное небо.

– Кх-кх, – слышалось позади деликатное покашливание сэнсэя. – И что же тут происходит? Почему прилетал тэнгу?

– Чтобы отдать мне перья, – пожал я плечами и вытащил из кармана перья. – Ты же сказал, чтобы я до утра их принес? Вот, я их принес. Только осталось одно "но"...

– Какое ещё "но"? – взглянул настороженно Норобу.

– Я обещал, что мой учитель найдет тэнгу красивую подругу до вечера. То есть тэнгу-самку, с серебристым окрасом перьев, красным лицом и большими грудями.

– И где же я её найду? Ты совсем с ума сошел?

– А вот это уже не моя проблема. Короче, иди куда хочешь, делай что хочешь, но, чтобы вечером у тэнгу была подруга...

Глава 2

Конечно же сэнсэй не нашел тэнгу-самку до вечера. Он то и дело подходил к окну, чтобы «насладиться видом вечернего Токио». Он то и дело поглядывал на небо, словно выискивал там совесть, которую давно потерял. Я упорно молчал, наслаждаясь своей маленькой мстью.

Киоси тоже не болтал, хотя я порой и видел, как ему было трудно удержаться от соблазна. Но держался, только подхихикивал, когда видел в окне фигуру сэнсэя.

С выходом на небосклон горделивой луны Норобу повернулся ко мне. Он взглянул сурово и произнес:

– Обманул?

– Пошутил, – ответил я. – Ты же вот шутил, когда говорил про срок до утра?

– Нет, – на полном серьезе ответил сэнсэй. – Если бы не принес перья до утра – наши пути могли разойтись в разные стороны.

– Жестокий ты, сэнсэй.

– Не жестокий, а справедливый. Ведь как лучше всего научить человека плавать?

– Вывести на середину реки и выбросить с лодки?

– Вот, а говоришь, что я жестокий. Сам вон берешь и выбрасываешь человека прямо в холодную пучину. А если ногу сведет? А если карп какой на крючок наденется? А если какой-нибудь водяной-каппа на тебя накинется? Вот как много факторов нужно предусмотреть, а ты сразу же в реку... Нет, обалдуй, надо нанять тренера, чтобы тот научил. У тебя есть такой тренер, это я, вот и учу тебя плавать. Прими же этот дар и не занудствуй.

Это я-то занудствую? Вот тебе и раз! Да я наоборот – прикалываюсь как могу. Никаких занудствований, только стеб, только хардкор. Но в реале я лишь слабо улыбнулся и покивал. Вроде как "да-да, мели, Емеля-сан, твоя неделя!"

Почему я так делаю? Вроде как наемный убийца должен обладать суровостью Леона-киллера и стальными яйцами Хитмэна. Я должен ходить с хмурой рожей и чуть что валить всех по-тихому. Но... Кому я должен – я прощаю.

В прошлом мире у меня было мало поводов для улыбки. В этом ещё меньше, но если они есть, то тут уж надо оторваться на полную катушку. Если дали второй шанс прожить жизнь, то надо вспомнить фразу из книги «Как закалялась сталь» и прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. А обладателей хмурых рож и стальных яиц и без меня хватает. Я же намерен оторваться от души...

Учитель вздохнул, попытался найти в моих глазах хотя бы чуточку раскаяния, снова вздохнул, на этот раз ещё тяжелее, и побрел к столу. Только в горячем супе нашел он утешение. Я же изо всех сил сдерживал улыбку.

– Скажи, Тень, а не пришла пора тебе наносить татуировку на тело? – спросил Норобу, когда суп закончился, а он сыто откинулся от стола.

– Это ещё зачем? У меня и так есть одна. Вот, – я коснулся веточки сакуры на лице.

– Потому что татуировка показывает твою статусность в мире якудза и многое говорит об его обладателе. Вот, например, изображение мальчика Кинтаро, борющегося с гигантским карпом кои, некогда бывшее символом мужественности и храбрости, говорит о том, что якудза мастерски владеет рукопашным боем. Гневное божество Фудо Мёо, разрубающее мечом иллюзии и пробуждающее в неверных праведные мысли, украшает тела контрабандистов и наркоторговцев. Членам группировки, ответственным за игорный бизнес, набивают татуировки с изображением собаки Фо – китайского символа доблести и энергии. Изображение демона Они или маски Ханья, некогда бывшее символом целеустремлённости и оберегом для своего носителя, стало меткой рядовых якудза – боевиков, коллекторов и убийц. Пионы и отрубленные головы украшают тела тех гокудо, кто беспрекословно готов отдать жизнь за босса. Сами же

лидеры кланов носят татуировки с изображениями тигров и драконов – символов безграничной власти.

– Знаешь, сэнсэй, у меня и так слишком много отличительных черт, чтобы добавлять ещё одну.

– Это ещё и проба силы твоего характера. Недаром татуировка традиционным способом (палочками тебори) исконно служила не только обрядом посвящения, но и испытанием. Если метящий в якудза расплатится как девочка от каких-то там иголок – ломаная иена ему цена.

– Нет, моё тело в детстве татуировали без моего согласия, поэтому я не буду делать татуировку ещё и по собственному желанию. Я не осуждаю других людей, но если планирую стать незаметным, то пусть меня хотя бы не запомнят с обнаженной спиной.

– Ладно, но если всё-таки надумаешь, то знай – я очень хорошо делаю рисунки.

Я с сомнением посмотрел на него, на уголки губ, которые так и норовили расплыться в улыбке. Вот неужели он в самом деле считает, что после всех насмешек и подколов я дам ему рисовать на своей спине?

– Баб голых нарисуешь? – спросил я прямо.

– Ну, почему одних только баб? Ещё и мужиков рядом с ними. И они явно будут не рыбу ловить...

Всё-таки не выдержал сэнсэй, рассмеялся. Я только махнул рукой. Пусть забавляется. Когда он в хорошем настроении, то меньше зудит. И даже дает выпасться.

На следующий день отправился в школу в самом отличном настроении. Конечно, на свободе мой враг, Сэтору Мацуда, который принял власть над группировкой Хино-хеби-кай, но сейчас ему явно не до меня. Новая метла всегда метет по-новому, поэтому в преступной среде будут перестановки. И тут уже доверенные лица подвергнутся самому тщательному отбору.

Я бы на его месте тоже пока призадумался бы – с кем дружить, а от чьих услуг отказаться. Когда умирает оябун, то на его место претендует целая куча особ, приближенных к трону. Если Сэтору удалось захватить трон, то сейчас ему ещё нужно отсеять тех, кто этот трон будет раскачивать.

А месть мне... Он вряд ли пойдет просто на банальное убийство. Это будет слишком просто, ведь как ни крути, а я должен буду умереть мучительно и очень медленно. Как вариант – отрезание по кусочку с последующим прижиганием отрезанного места. Или же привяжут на стул с дыркой по центру, а снизу поставят растущий бамбук. И будет этот бамбук расти медленно, но неуклонно.

Ну и плевать, я умирать не собираюсь. Сейчас на повестке дня стоит нападение на Хаганеноцуме-кай. И Масаша Окамото предложил организовать внезапный налет на дом этой группировки. Осталось только провести репетицию, отрегулировать роли, просчитать действия и отработать тайминг, чтобы по максимуму избавиться от жертв со своей стороны.

Я уже прикидывал, что и как сделать. Даже нашел пустое здание, подобное тому, где обретают высшие лица Хаганеноцуме-кай. Через пару дней можно будет туда наведаться и провести генеральную репетицию.

А что? Это только в фильмах пришел, увидел, победил. Тут же лучше подойдет: пришел, покрутился, всё узнал, всё посмотрел, отрепетировал и уже потом победил. Так безопаснее для команды. Это у Александра Македонского народа было немеряно, у нас же ограниченный контингент. И его беречь надо!

До школы оставалось ещё около километра, когда я услышал истошный женский крик, а потом детский плач. Мне хватило бы и одного первого, чтобы отправиться посмотреть – что там происходит. А вот второй только подстегнул.

Оба звука исходили из двора небольшого трехэтажного дома. Добраться туда можно было через арку, поэтому я на всякий случай прижался к стене и быстрыми переставными шагами двинулся в сторону шума.

Когда выглянул из-за угла, то увидел, как пятеро дюжих молодцев херачат одного недюжого. Тощий мужичок летал футбольным мячиком от одного к другому, а ребята старались ударить так, чтобы продемонстрировать растяжку или эффектный удар. То есть понтовались друг перед другом.

Чуть в стороне к корням корявой сосны прижалась женщина с ребенком. Бедное платье, худые руки, мешки под глазами и ранняя седина в волосах хранительницы домашнего очага подсказывали, что дела у семейства идут не очень. Да и как могут идти хорошо дела у тех, у кого на щеках находятся татуировки в виде веточек сакуры?

Только у шуплой девчонки не было татуировки. На вид она не старше Киоси, так что могла родиться уже после введения закона о кастах.

– Где деньги, Сибата-сан? – спросил очередной молодец, когда после эффектного удара поймал за грудки тощего мужичонку. – Где деньги за жильё? Ты прожил два месяца, а так и не заплатил. Что же с тобой делать?

Пять молодых людей были в светлых рубашках и черных джинсах. Сквозь тонкую ткань проступали очертания татуировок на мускулистых телах. Вроде как демоны Они... Боевики?

Якудза? Пятеро против одного? И что это за группировка?

– А давай его повесим на сосне? Пусть висит себе до тех пор, пока денежки не посыплются, – хохотнул другой человек.

– Хм? Хорошая мысль. Как тебе, Сибата-сан? Хочешь повисеть на дереве и дозреть? – спросил первый.

Судя по поведению и по манере себя держать, тот молодой человек, который держал в руках тощего хинина, был лидером этой шайки.

– Я уже платил Хино-хеби-кай, – с трудом проговорил мужичок.

– Ну и на хуя мне эта инфа? – спросил лидер. – Что мне с ней делать? Прийти к оябуну Тораноаши-кай и сказать: «Отец, на подвластной тебе территории люди платят другой организации»? Так предлагаешь сделать? Чего молчишь, Сибата-сан? Показать тебе, как мне ответит оябун? Вот так вот...

Короткий, резкий удар в солнечное сплетение заставил хинина согнуться. Я взглянул выше, в окнах дома виднелись тени людей, бледные пятна лиц. Никто не стремился выйти и помочь. В бедных кварталах героев нет. Или появляются только после чрезмерного распития сакэ.

Хм... Прикольно. Насколько мне известно, дом стоял на территории Хино-хеби-кай. А вот с группировкой Тораноаши моя группировка была на ножах. То есть две вражеских банды дерутся между собой за кусок? Что же, это можно использовать...

– У меня... нет денег, – просипел мужичок, с трудом переводя дыхание. – И мы на территории Хино-хеби-кай...

Новый удар подломил ему колени. Жена Сибаты взвизгнула и прижала к себе лицо дочки, чтобы та не видела избиения отца. Один из молодчиков ухмыльнулся, подошел к женщине и с презрением взглянул в поднятое лицо. После этого звучная пощечина окрасила моё настроение в ещё более мрачные тона. Голова женщины бессильно мотнулась.

– Ещё раз крикнешь – глотку перережу, – процедил молодчик. – Поняла, хининская подстилка. Поняла?!!

На крик женщина кивнула. Она только крепче прижала к себе худенькое тело девочки. Та беззвучно рыдала, закрывая себе рот ладонками.

– Хино-хеби-кай потеряла своего оябуна. Мальчишка не вывезет такого груза. Скоро мы подомнем её под себя. И этот дом уже на нашей территории. Так что нам с тобой делать, Сибата-сан? Как ты будешь отдавать деньги? Взять их с твоей жены? Хм? Нет, она даже в шлюхи не годится. Старая сука с болтающимися сиськами. А вот молодая...

– Нет, не трогайте Сузу, – мужчина обхватил руками ноги молодчика.

Дурак... так долго держался и так бездарно выдал своё слабое место. Хотя... хрен его знает, как на его месте поступил бы я. Тем временем я начал осматриваться. На крышах никого нет. В окнах мелькают лица только жильцов, которые сразу же пропадают, стоило только молодцам поднять короткостриженные головы.

Значит, только пять человек... Пять человек решили покошмарить семью хининов... Что же, они выбрали крайне неудобное время. Я тихо вжикнул молнией сумки. Потянул оттуда черную тканевую маску с желтой мордой анимешного котика. Следом вышла бейсболка. Эх, жаль, что не было капюшона, а то бы мог скрыться полностью. Ладно, и так сойдет.

Когда разбираются две банды, то обычные люди страдать не должны. Они не виноваты, что очутились в плохое время в плохом месте. Теперь навести Доспех Духа и вооружиться. Десять игл удобно легли в руку. Я готов. Рюкзак можно и здесь пока оставить. Вряд ли кому взбредет в голову воровство...

На губах лидера пятерки тем временем блуждала рассеянная улыбка:

– Сибата-сан, а ты же можешь спросить в долг у соседей? У тебя будет на это время, а мы... А мы пока развлечемся с твоей дочкой. Да чего ты такие глаза делаешь? Не будем мы её трахать, она слишком мала для этого. А вот посоревноваться в меткости мы можем. Да, ребята?

– Да, Кэзуки-кун! Давай посоревнуемся! – воскликнули трое из пятерых.

Они вытащили из-за пазух небольшие топорики. Такими топориками мясники разделяют мясо на рынках. Похожие на индейские томагавки, только без украшений и всяких излишеств. Топорики взлетели в воздух и были ловко пойманы. Хм, похоже, что ребята не первый день с ними знакомы.

– Мои соседи такие же бедные, как и мы. Вряд ли получится у кого взять в долг... – дрожащим голосом сказал Сибата.

Он переводил взгляд с одного лица якудза на другое. И ни на одном не встречал даже тени жалости. Только желание развлечься и полное безразличие к судьбе хининов.

– Беги! – улыбнулся лидер и мотнул головой. – Отберите у этой бабы девчонку и привяжите её к дереву!

– Нет! Нет! Нет! – закричала женщина, когда один из якудза потянул девчонку к себе. – Пожалуйста, прошу вас, не трогайте Сузу.

Уже не пощечина, а удар кулаком заставил женщину замолкнуть. Она упала без сознания на корни сосны, а девочку прижали к стволу дерева крепкие мужские руки. Другой бандит сорвал бельевые веревки, на которых сушилось серое от древности белье. Рубашки, штаны полетели в пыль, а веревка впилась в худенькое тело девчонки, привязывая её к жесткому дереву.

– Не надо... Что вы хотите сделать? – проговорил хинин, всё ещё сидя на коленях.

– Ты ещё здесь? – деланно удивился лидер Кэзуки. – Сибата-сан, мы ждем денег. А пока... Эй, Мичи, поставь на голову девчонки вон ту чашку.

– Не надо...

– Беги! Беги, долбоёб! Или мы сейчас твою дочку тут захуярим, а потом и вас с женой рядом положим! Беги, тварь! – Кэзуки перестал улыбаться, а ударил хинина так, что тот отлетел на пару шагов.

После этого Сибата поднялся и, шатаясь, отправился в подъезд дома. В это время один из подручных водрузил чашку на голову девчонки. Та мотнула головой, и чашка упала. Её на лету подхватил подручный и без замаха ударил девчонку по щеке. После этого поставил чашку снова, широкой частью на макушку.

– Дернешься ещё раз – проломлю башку, – почти ласково проговорил подручный.

В это время Кэзуки тоже достал топорик, подкинул его, поймал и размахнулся. Девчонка взвизгнула и зажмурилась. Кэзуки расхохотался. Расхохотались и остальные якудза.

– Ну что, кто хочет сделать ставки? Кто попадет в чашку, тот забирает приз? – спросил Кэзуки.

– Ставлю тысячу иен! – поднял руку один.

– Поддерживаю, – откликнулся другой.

– А я поднимаю ставку до десяти тысяч. Тысяча – это вообще не деньги, – проговорил Кэзуки.

– Ну, мы тогда поддерживаем, – неуверенно произнесли остальные.

Всё, пора вмешаться. А то убьют ещё кого...

– Эй, обезьяноёбы, а вы вообще берегов не видите? – вышел я из-за угла. – Вы залезли на чужую территорию, поэтому я считаю до трех, если не съебнете в туман, то вам всем...

– Что за жирный демон? – ляпнул один из подручных.

Я даже не взглянул на него, а обратился к девчонке:

– Малышка, закрой глазки, а то тут сейчас будет такое, что ты видеть не должна. И не подглядывай.

Девчонка тут же зажмурилась.

– А ты кто такой, хуила в маске? – спросил Кэзуки. – Открой свою рожу...

– Я из Хино-хеби-кай, – ответил я, потом взглянул на лежащую мать, на девчонку у дерева, и у меня вырвалось. – Это наша корова, и мы её доим.

– Хино-хеби лишилась своей головы! – сказал Кэзуки, подкидывая топорик в руке. – Сейчас и ты лишишься того же...

– Три...

– Да ты вообще охуел?

– Два...

– Один! – выкрикнул Кэзуки и метнул в меня топорик.

Тут же ещё три топора полетели следом. Я метнулся влево, вправо, присел и даже поймал один из топориков. Доспех Духа сумел отразить три летящих снаряда. Правда, на новый удар его не хватит, надо воспользоваться тем, что есть.

Швырнул топорик в сторону якудза. Они тоже уклонились. Раздался глухой удар.

Якудза оглянулись. Топорик торчал в центре веревочного узла, который держал девчонку у сосны.

– А теперь... Один... – проговорил я и метнулся вперед.

Троих иглы поразили ещё во время бега. Четвертый вытащил из-за пояса пистолет и тут же выронил его, когда игла проткнула ладонь. Он взвыл от боли, пытаясь вытащить снаряд из руки.

Я же взлетел в воздух и коленями ударил Кэзуки в грудь. Он отлетел назад, а я ещё проехался на нём ещё пару метров. Его выпученные глаза выказывали крайнее удивление. Ну что же, тот, кто привык обижать, всегда удивляется, если получает ответку.

– Я предупреждал вас, – холодно сказал и коротким ударом закончил жизненный путь лидера якудзы на этой земле.

После этого я подскочил к стонущему пятому человеку. Он вытащил-таки иглу из ладони, и попытался схватиться окровавленной ладонью за рукоять. Ударом ноги отшвырнул пистолет подальше и схватил последнего за ухо.

– Слышь, придурок, а ведь вы не простые ребята? Сколько на ваших топориках крови?

– На моём шесть человек, – процедил тот. – И ты будешь седьмым...

– Ну да, ну да... Ладно, передай своим, чтобы на территорию Хино-хеби даже не совались. Иначе всех найдет смерть. А раз уж вы не видите берега и не замечаете границы территорий, то и солнышко вам видеть не зачем.

Два удара и последний из оставшихся взвыл, прижав ладони к лицу. Он отшатнулся, а сквозь пальцы просочилась новая порция крови. Шатаясь и завывая, пятый якудза двинулся в сторону арки выхода.

Возле выхода он остановился и попытался сотворить что-то вроде оммёдо. Тут же вторую руку поразила новая игла. Новый вскрик и последний из живых исчез.

Ощущал ли я себя Леоном-киллером? Да нет, мне просто повезло, что ребята недооценили меня. Знай, кто перед ними – сразу бы запустили не только топорами, но и колдовством. Вот тогда бы пришлось несладко.

– Я занял! – выскочил из подъезда хинин со скомканными бумажными деньгами в руках. – Я занял! Не убивайте мою...

Он осекся, глядя на открывшуюся картину.

– Здорова, атец, – сказал я ему. – Хорошо, что ты занял... Значит, любишь свою дочь. А теперь отдай обратно и... И похороните эту падаль, а то вонять будет.

– Кто ты, герой в маске? – спросил Сибата.

– Неважно, Сибата-сан. Один из Хино-хеби, кто защитил свою территорию. Мы скоро нападём на Тораноаши-кай, чтобы вырезать их всех под корень. До новых встреч.

Сибата упал на колени и начал благодарно кланяться, но я только махнул рукой.

Всё-таки я помог не только ему – одной стычкой ещё больше разжег вражду между группировками. А когда враги сражаются между собой, то стоит только постоять в сторонке, чтобы потом подойти и взять оставшихся ослабевших живых голыми руками.

Ну, и за хининов было обидно... А ещё я опаздывал в школу...

Глава 3

Я всё-таки опоздал на урок. Показываться перед учителем и наблюдать за смешками ребят не хотелось, поэтому я решил немного погулять до второго урока. Пусть заработаю плохой балл, потом как-нибудь исправлю.

Сидя на скамеечке у школы, я ожидал окончания урока. На улице было по-майски свежо и приятно. Скоро июнь, а там загар, а там девчонки на пляже, а там...

– Такаги-сан, почему вы не в школе? – раздался голос учительницы физкультуры Минори Икэда.

– Да вот, помогал бабушке перейти через дорогу и слегка опоздал. А так как урок уже начался, то не хотелось отвлекать учителя и одноклассников от учебы, – ответил я, вскакивая и легким поклоном приветствуя подошедшую учительницу. – Здравствуйте, Икэда-сан. Вы как всегда обворожительны...

– Да ну вас, Такаги-сан, – отмахнулась учительница. – Вы льстите.

Я лъщу? Да она сейчас выглядела так, как будто собралась фотографироваться на школьный журнал. Губки подкрашены, ресницы начипурены, челка начесана волосок к волоску. И полная грудь натягивает ткань футболки и так настойчиво выпирает вперед, словно кричит: «Чего ты птичек рассматриваешь? Сюда гляди! Вот где красота неземная!»

– Икэда-сан, в отношении вас я всегда серьезен.

Вот и запущена игра в намеки и полунамеки. Сексуальная игра, будоражащая кровь порой сильнее петтинга.

– Да, я замечала твердость в ваших словах, – поджала губки Икэда.

– А ваши слова были медом для меня и усладой, – парировал я.

Надо ли говорить, что под «словами» мы оба понимали другое?

– Но вы осознаете, что прогул урока – это существенный проступок? И он может повлечь за собой серьезное наказание?

– Осознаю. От этого моё сердце начинает стучать сильнее, ещё дыхание перехватывает и становится трудно дышать... Возможно, это от предвкушения наказания? Или же от того, что вы находитесь рядом, Икэда-сан.

Учительница оглянулась по сторонам – не слушает ли кто наш разговор. Она присела на соседнюю скамеечку и целомудренно сдвинула ножки, вложив юбку между бедрами. Я чуть усмехнулся, глядя на это. Надо же, сейчас она передо мной делает вид, что сама невинность, а в ту ночь...

В принципе, мне понятно её поведение – на территории школы расположены камеры, поэтому нужно вести себя осмотрительно. Вряд ли кому понравится, что учительница любезничает с учеником, да ещё и демонстрирует свои прелести направо и налево.

– Вот смотрю в ваши глаза и понимаю, что в них нет никаких чувств. Ни сожаления, ни симпатии, ни желания.

– Просто не выспался, глаза не протер. Думал об одной особе... Да-да, одной рукой смотрел на фотографию, другой думал всю ночь напролет.

– Фу-у-у, Такаги-сан, как же это дурно звучит...

– Зато как классно ощущается...

Я подмигнул так, чтобы не осталось никаких недомолвок. На щеках учительницы появился румянец. Она кашлянула и снова попыталась перевести разговор в деловое русло.

– Надеюсь, что вы когда-нибудь увидите глаза, в которых отразитесь в радужном цвете, и ваши глаза вспыхнут радугой в ответ. Такаги, вы же понимаете, что каждый ваш прогул – это проступок?

– Да, и если именно вы будете проводить экзекуцию, то я вряд ли вообще появлюсь в школе. Буду направляться сразу к вам...

– Ох, вы такой забавный. Такаги-сан, а когда у вашего класса будет урок физкультуры?

– Завтра, Икэда-сан. Последним уроком. Если хотите, то я останусь, чтобы помочь вам убрать мячи с площадки.

Она улыбнулась и кивнула.

– Спасибо за предложение, Такаги-сан. Я рада, что вас не затруднит потратить весь вечер на уборку мячей.

После этого она поднялась с места, оправила юбку и проследовала в школу. Мне показалось, что она специально чуть повиливала бедрами, чтобы я мог оценить всю прелесть завтрашней помощи.

Я громко сглотнул. Сделал это так, чтобы Минори услышала. Судя по тому, как она чуть замедлила шаг – учительница услышала меня.

После этого я откинулся на скамейку и закинул руки за голову. Если я всё правильно рассчитал, то кровь якудза Тораноаши-кай вряд ли останется безнаказанной. Когда люди из одной питерской банды влезали на территорию другой, то следовали разборки. Понятно, что из-за такого ничтожного пятна, как семья нищих хининов, не было бы больших проблем, но вот когда укладывают пятерых боевиков, то это уже серьезное нарушение.

Серьезный проступок, как сказала бы Икэда.

И если мне нужно дальше двигаться в деле стравливания двух группировок между собой, то следующий удар стоит нанести по Хино-хеби-кай. И желательно уже другим оружием. Иглы уже засветились в деле с комиссаром и пятеркой раздолбаев, поэтому надо поменять стиль. Что там у Хино-хеби-кай? Длинные кинжалы танто?

Над стенами школы пролетел звонок. «Биг Бен» возвестил, что урок закончился.

Что же, можно отправляться в класс.

– Изаму-кун! – ко мне с улыбкой подошел Масаши Окамото. – Изаму-кун, рад тебя видеть!

– Я тоже рад, Масаши-кун, – ответил я легким поклоном.

Подать руку я уже отучился. Тут так непринято. Но и кланяться в пояс тоже не стоило – тут целая система поклонов. Как-нибудь расскажу о ней – сам ещё до конца не разобрался.

– Так что с нашей морковью?

– Сидит в темнице, а коса на улице, – пожал я плечами.

– А похожую темницу когда будем опрыскивать от вредителей? Заодно и потренируемся... Может, завтра?

А вот завтра как раз у меня уже планы на секс...

– Масаши, давай лучше на послезавтра? Завтра уже занято.

– Чем-то таким, что важнее опрыскивания? – Масаши поднял бровь.

Ну не буду же я говорить, что у меня другое «опрыскивание» намечается...

– Запряг меня и Киоси сэнсэй на заднем дворе убираться. Потом тренировка и всё такое... Масаши, я понимаю, что дело серьезное, но не обидишь же старика? Сколько ему ещё осталось?

Масаши улыбнулся в ответ:

– Да, сэнсэя надо уважать. Что же, тогда послезавтра потренируемся... Что у тебя сегодня за уроки?

– Тебе ведь по фиг, а спросил, чтобы тему перевести?

– А ты так сказал, чтобы я себя неловко почувствовал?

Мы дружно расхохотались. Я подставил ладонь, а Окамото-младший хлопнул по ней в полсилы. После этого он дернул бровями в сторону. Я бросил туда мимолетный взгляд – мимо проходили Кимико со своей подругой.

– И знаешь, Мицуки, моя мама всё-таки сумела найти хорошую уборщицу. До этого все оказывались или растапами, или дурехами, – проговорила Кимико нарочито громко.

– Да? И как же она так нашла?

– А ей предложили на выбор десяток уборщиц, девять хининок и одну из горожан. В общем, мама остановилась только на горожанке. Она с порога сказала: «Вот та работница, которая нам нужна!» Когда же я её спросила, а как она так выбрала, то мама сказала: «Эта работница протерла полку возле входа. Все остальные девять даже не обращали на них внимания». Поэтому мы зареклись брать в прислугу хининов. Они или не доделают, или сделают так, что за ними потом придется переделывать...

– Да уж, эти хинины вообще ничего толком делать не умеют, – согласилась с подругой Мицуки.

И вместе с этими словами она стрельнула в меня глазками. Я же сделал губки утиной жопкой и послал в ответ воздушный поцелуй. Да-да, с громким чмоком, чтобы и Кимико услышала.

Девушки возмущенно вздернули носики, а потом отправились прочь. Но я-то видел, как Мицуки сложила кулак и отставила большой палец так, чтобы Кимико не заметила.

– Похоже, что расставание не пошло кое-кому на пользу, – заметил Окамото.

– Увы, мы разбежались, но чувства ко мне ещё горит в девичьей груди, – хмыкнул я в ответ.

– Кстати, чтобы ты знал, сегодня в школу пришел Сэтору Мацуда.

Вот это новость! Сын моего страшного врага... Возможно, он даже знает, кто убил его отца...

И он явился в школу! Ух, у этого пацана жесткий характер. Или он явился запугивать меня?

– Ну что же, посмотрим, что к чему. Заодно узнаем, что он думает об убийце своего отца. Ведь пока нигде не просквозило, что некий белобрысый парнишка оказался на острове...

– Будь осторожнее, Изаму-кун. Я бы на твоём месте надевал всё-таки броник под пиджак.

– С броником я потею...

– Лучше быть потным и живым, чем холодным и мертвым.

– Ну да, ты прав, Масаши-кун, ошпаренных меньше, чем отможенных. Ладно, пойду, посмотрю на Сэтору. Надеюсь, что останусь в живых после школы...

– Сказать по чести, я тоже на это надеюсь, Изаму. Если что, кричи и погромче.

Я кивнул в ответ и пошлепал в класс. Зашел легкой, расслабленной походкой. Как всегда заходил. Подмигнул знакомым, улыбнулся Кацуми. Мимо Сэтору прошел как ни в чем не бывало.

Младший Мацуда сидел темнее тучи. Он уставился в одну точку перед собой и даже никак не среагировал на моё появление. Как будто меня вовсе и не было.

Невежливо, но ладно. Чем меньше он обращает на меня внимания, тем лучше. Я заметил, что книги перед парнем не открыты, а аккуратно разложены по столу. Как будто выложил и забыл, погрузившись в свои тяжелые думы.

Кацуми приветливо мне улыбнулась и погрузилась в дебри социальных сетей. Да, моя идея с социальными сетями работала и даже начала приносить пока ещё небольшой, но стабильный доход. Именно на этот доход и отправились путешествовать родители Изаму Такаги. Я великодушно разделил его между собой и ними. Им нужен был отдых, вот пусть поедут и посмотрят мир.

Всё равно им тут оставаться опасно. Мне тоже, но я как-нибудь справлюсь.

До последнего урока Сэтору никак не реагировал ни на окружающих, ни на призывы учителей к доске. Он просто сидел живой статуей. Ему выказывали сочувствие в связи со смертью отца, а он в ответ не издавал ни звука.

Что же, я и не такое психологическое давление выдерживал, поэтому сделал вид, что забыл про Мацуду и весь погрузился в уроки.

После уроков пришло сообщение от Мизуки, что сегодня у меня есть работа на ниве охраны. Да, так как я ещё кобун и авторитетом среди якудзы не обладаю, то мне следует прибыть охранником в дом удовольствий госпожи Окада. Публичный дом, где веселые девчонки принимают в свои объятия гостей. Не самое хорошее место, но выбирать не приходится. Мизуки и так меня отмазывает при случае от работы. Поэтому я не могу ей отказать в этот раз.

На станции Сибуйа случилось нечто, что заставило меня вспомнить о словах учительницы физкультуры. Я стоял неподалеку от линии безопасности, слушал музыку в наушниках и ждал поезда. До этого полюбовался на известный памятник Хатико. Ничего интересного – музыка из фильма лучше.

И вот, когда уже показался поезд, а на людей пахнуло ветром с запахом смазки и металла, с левой стороны послышался крик. Такой громкий, что пробился даже сквозь наушники. Я резко повернулся – в паре метров от меня на пути упала молодая девчонка.

Поезд слишком быстро приближался, чтобы я успел сделать оммёдо и вырвать её из лап смерти. Другие люди отшатнулись от края платформы. Как будто боялись, что разлетевшаяся кровь их забрызгает. На размышление оставалось всего ничего, поэтому я... Прыгнул.

Да-да, прыгнул и понял это уже в полете. Понял, что я дурак и могу прямо сейчас погибнуть.

Приземление. Резкий рывок и тут же отпрыгнуть!

Мы упали с другой стороны путей, а по тому месту, где только что мы стояли, проехал недовольно гудящий поезд. Недоволен он был тем, что я скоммуниздил его добычу. Я взглянул на девчонку и...

Так вот что имела в виду Минори Икэда, когда говорила, что я буду отражаться в глазах в радужном цвете. Меня словно обухом по голове шарахнули...

Вроде бы ничего не было в этих глазах, а притянули взглядом так, как магнитом. И не хотели отпускать.

– С... спасибо... – пролепетала девушка.

Только сейчас я рассмотрел, что она была примерно одного возраста со мной. И не такая уж и красавица, но вот было в ней что-то такое... завораживающее.

– По... пожалуйста... Меня зовут Иг... То есть Изаму, – вовремя поправился я. – Ты это, давай аккуратнее с прыжками под поезд. А то будешь, как Анна Каренина...

– А меня зовут Шакко. А кто это, Анна? Ваша знакомая?

– Ага, знакомая... То есть нет... То есть да... В общем, забей. Не прыгай больше под поезд и всё.

– Я не прыгала... Меня кто-то толкнул. Я стояла, ждала и тут раз...

– Ну вот, vareжку раскрыла, тебя и толкнули. Сама же видела, какая толкучка – куда ты вперед полезла?

За грубостью я попытался скрыть своё смущение.

Смущение?

Эх, давненько я не применял по отношению к себе этого словечка. И уже думал, что забыл про него, ан нет. Почему-то рядом с этой девчонкой меня взяла оторопь, как будто на первом свидании, когда ещё не знаешь нужного момента для поглаживания руки или же поцелуя.

Поезд как раз встал в это время. Вагон с машинистом распахнул дверь и выплюнул наружу мужчину в униформе.

– Госпожа? Госпожа, с вами всё в порядке? – крикнул мужчина ещё издали.

– Да, молодой человек по имени Изаму спас меня! – крикнула девушка в ответ.

Ну вот, сейчас начнется представление меня как героя, будут овации, аплодисменты и дружеское похлопывание по плечу... А мне ещё в дом удовольствий надо...

Не, на хрен это всё. Я по-тихому слинял, пока машинист помогал встать Шакко. Проскользнуть между вагонами плевое дело, поэтому я через десять секунд уже смотрел через стекло вагона, как машинист помогает Шакко забраться на другую платформу.

Худенькая, шупленькая, на чем только юбка держится. И в тоже время она обладала какой-то редкой привлекательностью, какая позволяет мужчине рядом с ней чувствовать себя мужчиной.

Она пыталась меня найти, бросилась в одну сторону, в другую, но я только отвернулся. Если судьба распорядится так, что мы с ней встретимся снова, то так тому и быть. В другом же случае будет лучше не встречаться. Я не могу себе позволить расчувствоваться и расслабиться.

Я же...

Я наткнулся на бумажную лягушку в своём кармане пиджака.

Я знаю, кто убил моего отца. Месть будет жестокой.

А ведь я не приближался к Сэтору ни разу. Как же записка оказалась в кармане?

Весь путь до дома удовольствий госпожи Окада я думал об этом. Перебирал в голове факты, движения и действия, начиная с вхождения в класс и до оставления его.

И всё это время Сэтору пародировал статую. И всё равно лягушка оказалась в моём кармане. Как так-то?

Сам дом удовольствий госпожи Окада представлял из себя двухэтажный домик в пригороде. Со стороны не скажешь, что тут узаконенный бордель. Всё чинно-благородно, по последнему писку хай-тека.

Сама госпожа Окада походила на китайскую пиратку-главаря из «Пиратов Карибских морей». То есть набеленное лицо, словно шпателем нанесли финишную шпаклевку, черные подведенные глаза, губки бантиком и презрительный взгляд, сразу же вынесший мне негативную оценку. Цветастое кимоно сидело на ней конфетной оберткой, вот только вряд ли внутри была конфетка, скорее там мог находиться засушенный урюк.

– Слушай, хинин, к девчонкам не лезь. Будешь стоять возле кухни и не пускать туда клиентов. Даже если сильно захотят узнать, чем их кормят, ни в коем случае не пускать. Если услышишь крик девчонок, то сразу же беги на него. Крик повторится – ломай дверь и вытаскивай клиента наружу. Не стесняйся, в случае чего – я договарюсь. Сам полезешь к девочкам – отрежу пипирку и скормлю. Вот и все правила. Всё понял?

– Понял, – кивнул я. – А пожрать-то дадут?

– А вот как поработаешь, так и дадут. Если плохо себя покажешь, то кроме помоев ничего не жди.

– Кому я тут что показывать-то должен? – обиженно спросил я.

– Уж явно не мне. Я на столько хуев насмотрелась, что если из них выложить дорожку, то она дотянется до луны.

– Нашла чем гордиться, – вырвалось у меня.

– Что-о-о? – нахмурилась госпожа Окада.

– Говорю – вам есть чем гордиться. Ваши познания в мужской физиологии нереальны.

– Работай, хинин, – процедила госпожа Окада и пошла прочь.

Я пожал плечами и отправился на поиски кухни. И каково же было моё удивление, когда я в дверях столкнулся с давешней девчонкой, Шакко.

Глава 4

– Изаму? – похоже, что девчонка тоже была удивлена. – Что ты здесь делаешь?

– Привет, Шакко, я тут работаю. Охраняю мясо от мяса, – пожал я плечами.

– Какое мясо? – не поняла девчонка.

– Как говорили одни мои знакомые из далекой дикой страны: «В жизни есть три удовольствия: есть мясо, ездить на мясе и тыкать мясом в мясо». Вот последнее я и охраняю.

Надеюсь, я не слишком надавил девушке на мозг? Она улыбнулась. Ясно, всё нормально – юмор понимает.

– Так ты из якудзы?

– Да. И тут сегодня моя работа. Надеюсь, тебя это не напрягает? А ты из...

Я обвел руками помещение.

– Да, и тут сегодня моя работа, – с улыбкой кивнула девушка. – Надеюсь, тебя это не напрягает?

Хотя и постарался сделать лицо простым и ненапряженным, но чувствую, что это не удалось. Губы всё равно дрогнули, чтобы изогнуться в поджатую дугу. Я усилием воли заставил их принять прежнее положение улыбки.

Глаза Шакко снова сверкнули радужным цветом. Всего на миг, как будто по ним скользнул луч стробоскопа.

– Я работаю на кухне, второй помощник повара, – пояснила девушка. – Для борделя я слишком некрасива... А ты что подумал?

Если бы мою рожу сфоткать в тот момент, то потом этой фотографией запросто можно было бы иллюстрировать слово «конфуз». И виноватая улыбка, и попытка груди расправиться обратно, и бордовые уши... Тьфу! Даже вспоминать неудобно.

– Во как! – я всё-таки сумел взять себя в руки. – А меня госпожа Окада обещала накормить вкусным ужином. Так что ты расстарайся там на славу, в кофе плевать не нужно – я не люблю с пенкой. Кстати, а где у вас тут кухня?

Шакко улыбнулась в ответ, коснулась моего плеча и потянула за собой. Мы прошли по красному коридору, со стен которого на меня смотрели герои эротических гравюр. Я даже вспомнил их название – сюнга. Заросшие черным волосом гипертрофированные половые органы словно насмеялись над посетителями. Хотя и лица у людей были под стать их половым органам.

– Какие же они все страшные, – сказал я, кивая на картины.

– Ничего ты не понимаешь в эротическом искусстве, – хмыкнула Шакко. – Возможно, когда-нибудь, я просвещу тебя в этом вопросе.

Как же двусмысленно это прозвучало... Я почувствовал, как низ живота наливается тяжестью. Черт побери, а ведь я даже ещё к работе не приступил.

– Я занимаюсь историческими исследованиями эротической культуры, так что накопила уже достаточно материала. Есть очень интересные моменты.

– Да что же ты со мной делаешь-то? – чуть ли не простонал я. – Я же себе представить могу многое, а мне ещё работать...

– Ну, можешь сходить в душ, – пожала плечами Шакко. – Сбросишь там напряжение...

– Чего? Дрочить на работе?

– Вообще-то, я имела в виду принятие холодного душа, – перестала улыбаться девушка. – Я вовсе не думала, что ты там только таким занимаешься.

А вот теперь мою рожу можно прикрепить к слову «конфуз в квадрате».

Эх, прямо-таки представил себе, как уссывается сейчас Мизуки. Ну да, молодого пацана, тело которого сплошь состоит из гормонов, пустить в место плотских утех и эротических фан-

тазий. Худшего мучения она и придумать не могла. И ведь ничего не скажешь – я должен отработать приказ руководства, иначе, если я сейчас откажусь, то якудза имеет полное право отказать мне в тот момент, когда понадобится помощь.

– Вот тут я и работаю, – показала на блеклую дверь Шакко. – Если что, то твоё место вот здесь. Ребята здесь стоят и никого не пускают на кухню. Когда тебя сменят, то сможешь зайти и поесть. Не скучай.

Она кивнула на чуть протертую спинами стену. Я встал, подпер стенку спиной и подмигнул Шакко.

– Вполне удобно. Давай, до свидания.

– Пока... красавчик, – Шакко игриво усмехнулась и скользнула за дверь.

Потянулось время моего дежурства...

Эх, как всё-таки различается видение клиента, посетившего публичный дом от видения этого же дома изнутри. Да и везде так – человек видит шоу, но не видит изнанку, пот и слезы, предвещающие это шоу. Человеку нужен праздник, а вовсе не история того, как этот праздник создавался.

Я же видел, как по коридорам ходят опухшие девочки, которые приводили себя в порядок при помощи косметики. В одну комнату заползает землистый кусок плоти с волосами и заплывшими глазками, а через полчаса выпрыгивает озорная медсестричка с вываливающимися сиськами. Или же выходила латексная женщина-кошка в длинных сапогах и на шпильках-ходулях. Или появлялась горничная с заголенной жопой. Жопы, к слову, были ничего себе такие, вполне вызывающие слюноотделение.

Приходилось крепиться, чтобы не показывать свой возрастающий интерес, шевелящийся в ширинке.

В семь часов потянулись первые клиенты. Они приходили, здоровались и присаживались на небольшие кресла в фойе. Рядом с каждым удобным креслом, обтянутым кожей убитого дермантозавра, находился столик с планшетом. Человек листал страницы планшета и выбирал понравившуюся девочку. Если она была свободна, то её иконка горела зеленым, а если занята, то красным. В этом случае клиент мог встать в очередь или же выбрать другую подругу на вечер.

Кто-то просто приходил не для плотских утех, а для улады глаз и прополаскивания желудка. Да-да, отдельным залом был бар для любителей сибари. Там можно было бухнуть, поболтать с друзьями и попляться на то, как две веселые хохотушки связывают желающих. Мало того, что связывали, так ещё подвешивали и капали растопленным воском на обнаженные участки кожи. И от любителей подобного развлечения не было отбоя.

Я же стоял и изображал из себя молодого боевика, который настолько суров, что даже в зеркало не смотрится, чтобы не испугаться отражения. Правда, мне это мало удавалось – другие охранники были и крупнее, да и суровее на вид. Некоторые с такими шрамами на рожах, что без слез не взглянешь. Двое на входе, двое на втором этаже. А меня...

Что-то мне подсказывало, что меня специально засунули подальше, чтобы вроде и работал и перед глазами не маячил. До кухни никому не было дела. Сюда заходили официантки в одних передничках и высоких стрингах, выносили угощение, а вот клиентам почему-то никому не хотелось туда зайти.

Я изнывал от скуки. Я даже успел сосчитать количество лобковых волос у женщины с гравюры напротив и раздумывал – не сместиться ли на пару шагов влево. Там ещё море несчитанного. Как раз в это время и началось основное действие.

Стукнуло девять часов и в публичный дом ввалилась компания из десяти человек. Громкие крики сразу же перебили легкую музыку, которая придавала очарование и успокоение. Даже со второго этажа были слышны требования:

– Эй, госпожа Окада! Где ты, старая колдунья? Подавай нам девочек и ванну сакэ!

– А вот и крутая команда явилась! Девчонки, теревите писёнки!

– Зачем нам эти планшеты? Нам живых телочек покажите! Где мои тяночки для натяночки?

Я невольно заинтересовался этими выкриками и вышел на балкон. Двое охранников снизу тоже подтянулись ко входу. Они пока не вмешивались – ждали указаний госпожи Окада.

– Мальчишки-мальчишки, что за шум? Зачем вы нарушаете покой других отдыхающих? О, господин Ицуми... Как же я рада лицезреть вас в своём доме...

Госпожа Окада переломилась пополам перед черноволосым худощавым парнем с длинной челкой. Он же презрительно взглянул на неё и чуть подернул носом. Всего лишь мимолетная гримаса, а потом он тоже расплылся в улыбке. В холодной, вежливой улыбке, которая возникает при виде нелепого лягушонка, пытающегося перепрыгнуть широкую канаву.

– Госпожа Окада, мы с друзьями решили посетить ваш дом, потому что многое слышали о нем от знакомых. Дадите развлечься веселым ребятам? Как вы знаете – за деньгами дело не встанет.

Его голос звучал уверенно, с легкой хрипотцой и тем вальяжным налетом, который прививается с детства.

– Конечно же, господин Ицуми. Мы будем рады вам и вашим гостям, – спина госпожи Окада снова продемонстрировала невероятную гибкость.

Она так выразительно взглянула на охранников, что ребята невольно сделали по шагу назад. Сама же она потянула за собой всю кавалькаду.

Веселые ребята, оглашая публичный дом гомоном, матом и грязными шуточками, пошли за ней. Постепенно умелые женские руки растянули команду господина Ицуми по комнатам. Сам же он отправился с двумя симпатичными девчонками в комнату на втором этаже.

И вроде бы всё хорошо. Ну, раздавались взрывы смеха то в одной, то в другой комнате. Но в целом... Это же бордель, сюда люди не работать приходят, а отдыхать.

Я не хвалю их, но и не осуждаю. В конце концов и раньше, в прошлой жизни приходилось обращаться за удовлетворением мужских надобностей к «жрицам любви». На память даже пришел случай, когда встретились с боевым товарищем и на радостях неожиданной встречи закатали пирушку. Посидели-поговорили-вспомнили. Потом кровь разыгралась и решили найти девушек, чтобы они нам составили компанию. Таксист нас уверенной рукой повез на точку. Там стояла крупногабаритная мамаша, которой мы и задали вопрос: «Нам бы пару собеседниц на вечерок». Тетка повернула лицо и объявила цену в четверть зарплаты и только за ночь. На что мой корефан заявил: «Да нам не надо на ночь... Нам бы поболтать минут пятнадцать...» На этом моменте даже из кустов раздалось девичье ржание.

На мои губы сама собой выползла улыбка. Да уж, покуролесили мы тогда знатно...

Из той комнаты, где скрылся господин Ицуми, раздался девичий крик. Я встрепенулся и метнулся туда. Он уже не походил на стон симулируемого удовольствия. Скорее это был крик боли.

Как только я подскочил к двери, она тут же распахнулась и на меня вылетела голая симпатяжка. Запнулась, упала мне на грудь и едва не сшибла с ног. Только присев и перенеся вес на другую ногу, почти танцевальным движением удержал её от падения. Она вырвалась и побежала по коридору. На её спине краснели три кровавые полосы.

– Хинин? Догони эту суку, – раздался холодный мужской голос.

Я оглянулся. В дверях стоял Ицуми, полностью одетый. В руке он держал плетку с тремя хвостами. Каждый хвост заканчивался металлическим шариком с шипами. Кончики шипов были окрашены в алый цвет.

– Чего застыл? Я сказал – догони и верни эту суку!

Голос явно привык повелевать. Но вот только я не привык подчиняться.

– Ты перепутал бордель, чувак. Тут не БДСМ, а обычный публичный дом. Если хочешь чуток боли, то спустись в темный бар, там сибари и тебя обсл...

– Это мне решать – что и как делать. Я не спрашивал твоего мнения, грязный хинин. Я сказал тебе: «Догони эту суку!» Ты глухой или смерти ищешь?

– Да чего её искать? Она всегда рядом ходит. Надеюсь, ты не хочешь с ней познакомиться?

Холеное лицо вытянулось от удивления. Похоже, что его впервые так обламывают. Эх, сколько же спеси в этих высокородных... И как она выплескивается наружу, стоило только надавить чуть сильнее.

– Да как ты смеешь так со мной разговаривать, мерзкая тварь?

– Ртом! Или ты вообще дальше хера не видишь?

Господин Ицуми побледнел, а потом его рука с плетью взлетела под потолок. Ударить он не успел, так как подшаг с быстрым ударом в солнечное сплетение выбил воздух из груди. На несколько секунд господин Ицуми нашел себе более интересное занятие, чем выбивать дерьмо из наглого хинина – он пытался вдохнуть.

Чтобы не мешать ему это делать, я отступил чуть в сторону и заглянул внутрь комнаты. Там на кровати подтянула простыню к подбородку местная соблазнительница и теперь испуганно моргала накрашенными веками.

– Ты как, сестренка? – бросил я.

– В... Всё нормально, только Мизуки...

Во как, ударенную девчонку тоже зовут Мизуки? Тогда этому хмырю можно и добавить.

– Сука, я же тебя выпотрошу, – просипел аристократ, с трудом разгибаясь.

– Я считаю до трех и...

Я не успел договорить, так как этот засранец вставил в рот свисток и засвистел, как футбольный судья, возвещающий конец матча. Переливчатая трель пронеслась по красноватым коридорам, отразилась от стен с эротическими гравюрами и залезла в каждую замочную скважину, чтобы донести всю прелесть своего звучания до находившихся там.

– О! У тебя свисток есть, может, ещё и красную карточку покажешь? – хмыкнул я.

– Сейчас сам всё увидишь, грязный хинин... – прошипел аристократ.

И я увидел. Увидел, как из дверей высыпались горохом полуголые соратники господина Ицуми. Кто в трусах, кто в повязке, кто вообще в рубашке, мотая мотней. Но у всех в руках были небольшие шокеры.

Двое охранников снизу были тут же вырублены разрядами сзади. Я даже не успел им крикнуть. А вот двое наверху подскочили к нам. В их руках возникли выдвижные хлысты, похожие на рога старых телевизионных антенн.

А почему мне такой не дали?

– Что у вас тут? – быстро спросил Лиму, старший из охранников.

– Он напал на девчонку и исполосовал ей спину, – кивнул я на выпрямившегося Ицуми.

– Да ударил разок. Ничего с вашей сучкой не случится, – процедил тот. – А вот нападение на аристократа так просто тебе с рук не сойдет.

Возле него столпились все его приспешники. Госпожа Окада выбежала, размахивая руками и отчаянно голая, но один из приспешников и её коснулся концом шокера. Хозяйка публичного дома тут же осела на пол и прикинулась цветастым оползнем.

– Ну пизда вам, вертухай! – послышалось со стороны команды Ицуми.

– Вашими башками в футбол сыграем!

– Повесим вас на ваших же кишках!

– Дайте я их сейчас шарахну Огненным Смерчем! – выкрикнул один.

– Никаких оммёдо! Вы и своих можете зацепить! – тут же осадил их Ицуми.

А он умен. Я-то надеялся на общую сутолоку и оммёдо, а теперь... Теперь придется махаться втроем против десятерых. И как быть? Что делать?

– Эй, Ицуми! Подожди кипятиться. Ты вот не знаешь, что у одного крестьянина было ведро груш? Не знаешь? Каждый день он перебирал эти груши и ел только те, которые начали подгнивать. В итоге груши кончились. Получилось, что крестьянин сожрал целое ведро гнилых груш и потратил до хера времени на переборку!

– И что? – спросил Ицуми.

– Да хуй его знает, я только время тянул. Думал, как выпутаться.

– И что придумал? – спросил Лиму.

– Ни хрена. Только гасить этих уродов... Банзай!

– Банзай!!! – поддержали меня два охранника.

После душераздирающего крика мы кинулись в бой...

Эти ушлепки тоже заорали что было силы и не остались на месте.

Трое на десятерых...

Эх, надо было видеть этот бой в узком пространстве. Я вырвался вперед и только отпирал за спину тех, кого не мог вырубить сразу. Там по ним уже проходили палки охранников. Я рвался вперед, к главарю, который стоял на месте, скрестив руки на груди. И не мог прорваться через мелькание рук, ног, шокеров...

Уворот. Уклон. Ребром ладони по затылку и тут же блок.

Вскрик возле уха и лязганье зубов – кому-то из своих зарядили шокером. Блок. Уход. Два шага назад и прыжок. Удар подъемом стопы. Эх, слишком узко, не размахнешься как следует.

Ногами нормально ударить не получается, только коленями, локтями и кулаками.

Прилетает слева. В ухе шум, в голове легкий звон. Нормально. Удар ребром и отскок. Позади вскрик боли.

Быстрый уход и с разворота в ухо. Замечаю, что Лиму падает на колени. Его в бок бьет ещё один шокер. Второй охранник пока отбивается, но на него насаждают двое.

Отход назад и удар локтем в область печени. На охранника насаждает уже один.

Меня хватают за ногу и дергают вниз. Взмахиваю руками и попадаю в разинутый рот нападающего. Чтобы не упасть, стараюсь выровняться. Чувствую, как под пальцами ломаются зубы. Да и насрать.

Удар. Снова отскок. Запинаюсь за лежащего позади. Эй, это же второй охранник! Он лежит, закрывая разбитую голову ладонями.

Я один? Против пятерых?

– Я же говорил, что выпотрошу тебя? – сказал из-за спин соратников Ицуми. – Дайте мне нож...

– Ложись, Изаму! – выкрикнул знакомый девичий голос.

Меня не надо два раза уговаривать. Я тут же бухнулся на пол, как подкошенный дубок. Над головой пронёсся огненный ветер. Краем глаза удалось подсмотреть, что языки пламени облизали нападавших, моментально раскалили шокеры в их руках. Крики боли наполнили коридор. Нападавшие начали отступать, стараясь скрыться от вездесущего огня. Даже горделивый Ицуми закрылся и подался прочь.

Огненный вихрь гнал нападавших до самых дверей. Он не давал им отступить ни вправо, ни влево, обжигая и нанося ожоги. Даже те, кто упал, и то ползком двинулись на выход. Я двинулся следом, чтобы всё увидеть с балкона.

Вихрь не щадил команду Ицуми. Он догнал их до дверей, а там уже превратился в огромного рыжего лиса с тремя хвостами и широко ощерился. Зубастая пасть вся была утыкана острыми клыками.

– Мы ещё встретимся, мерзкий хинин! – выкрикнул Ицуми прежде, чем лис хвостами вымел их наружу.

– Обязательно! – крикнул я в ответ. – Посидим, сакэ попьем!

Лис захлопнул дверь и тут же растворился в воздухе. В воздухе повисла тягучая тишина. Клиенты и девчонки испуганно выглядывали из дверей. Я же подскочил к госпоже Окада, возле которой хлопотала Шакко со стаканом воды в руках.

– Всё нормально? Какое сильное было оммёдо...

Я не нашел ничего лучше, как задать этот банальный вопрос. И всё из-за того, что снова заглянул в глаза Шакко. Черт, как загляну, так дурак дураком... Надо перестать туда заглядывать и начать пялиться на... Да хоть на сиськи! Пусть и небольшие, но...

– Да, Изаму, всё нормально. Сейчас госпожа Окада придет в себя и...

– Вы оба уволены, – слабым голосом проговорила госпожа Окада. – Вы уволены...

– За что? – спросила Шакко. – Мы же...

– Вы подставили меня перед господином Ицуми, а этот аристократ всегда хорошо платил... Да, иногда он хлыстал по телам девушек, но зато потом щедро платил за это... Давал на лечение... А вы...

Жирная женщина затряслась в приступе кашля. Я с недоумением взглянул на неё.

– Вообще-то это твои коллеги, дура. Девчонки приносят тебе деньги. Имей хотя бы какое-то уважение к ним. Тебя саму едва не загасили, а ты теперь заступаешься за этих уебков?

– Белобрысый осел, я...

Я не дал ей договорить. Нажатие на нервное окончание на шее даровало женщине полчаса здорового сна. К нам уже спешили очухавшиеся охранники снизу.

– Что тут? Как госпожа Окада?

– С ней всё нормально. Я усыпил её, через полчаса очнется и будет здоровее прежнего. Вам лучше заняться Лиму и другим. Похоже, что им здорово досталось.

– Да уж, было жарко. Чьё это оммёдо было? – спросил один из охранников.

– Это Изаму запустил, – не дала мне ответить Шакко. – Он так здорово всё обделал, что я только диву давалась.

– Круто! – восхитился другой. – Ладно, давайте тогда вниз, мы пока тут сами.

Я кивнул Шакко, она подмигнула в ответ.

– У нас есть ещё полчаса, пойдем в темный бар, выпьем по бокалу вина?

– Пойдем. Только вино я не буду, а вот от кофе не откажусь, – сказал я.

Уже в темном баре, откуда сбежали все клиенты, Шакко меня спросила:

– Ну и как твоё полное имя, «грязный хинин»?

Она так похоже спародировала Ицуми, что я не удержался и хохотнул. После этого вспомнил одного мачо из своего мира и сказал:

– Такаги. Изаму Такаги, – после этого повернулся к барменше и произнес: – Мне кофе со сливками, взболтать, но не смешивать.

Глава 5

Мы бы посидели в баре ещё, но надо было уходить. Охранник Лиму виновато пожал плечами, мол, скоро госпожа Окада очнется, не стоило волновать старушку. Я подмигнул ему в ответ. Он тоже подневольная птица, клюет то, что кинут сильные мира сего.

Волновался ли я по поводу того, что потом произойдет? Нет, не волновался. Когда госпожа Окада очнется, то тут же кинется звонить Мизуки. И та устроила бы мне головомойку, если бы я не сообщил о происшедшем в публичном доме. А если я скажу об этом первым, то слову моему будет больше доверия, так как и другие охранники успели скинуть инфу. Так что как ни хотела бы госпожа Окада очернить меня в глазах Мизуки, но ей этого не удастся.

Поэтому на улице я набрал номер пятого лица Казено-тсубаса-кай. Мизуки взяла почти сразу же.

Я в красках описал произошедшее, уточнил, что никто не умер, а всего лишь чуточку прижали хвост молодому господину с садистскими наклонностями. Конечно же не забыл подчеркнуть, что ударенную девушку тоже звали Мизуки, поэтому у меня в голове чуточку помутилось. Я как бы заступался за всех девушек с таким красивым именем. Да, это была лесть. Судя по потеплевшему голосу собеседницы, она мне удалась.

Мизуки сказала, что я сделал всё правильно и она убедит госпожу Окада не злиться на меня. Да, неприятность с молодым господином Ицуми возможно будет иметь последствия, но я в тот момент поступил верно. В первую очередь нужно было заботиться о девушках, а уже потом о нападавших. Получилось, что я почти герой.

Хотя, когда мы уходили из публичного дома, то взгляды девушек из публичного дома светились благодарностью. Они приветливо улыбались и по их виду можно было понять, что я мог рассчитывать на большую скидку, если вдруг вздумаю воспользоваться их услугами.

– А ты хитрец, – сказала Шакко, когда я закончил разговор по телефону.

– Да что ты, просто не хочется снова получать головомойку из-за того, что кто-то не то сказал. Тут я рассказал всё как было, госпожа Окада расскажет по-своему, но думаю, что больше поверят мне. Почему-то мне так кажется.

– Да уж, в такое сложно не поверить, – девушка блеснула белыми зубками и снова по её глазам пробежала радужная волна.

Мимолетная, как будто легкое наваждение. Я даже сморгнул, думая, что мне это кажется. Мы шли по улице в сторону железнодорожной станции и вечерние сумерки потихоньку выделяли свет фонарей на асфальте. Идти рядом с Шакко было приятно. Это ощущение тихого удовольствия было сродни давно забытому чувству из прошлого. Тому самому, когда провожал домой девочку из школы.

В тот миг казалось, что весь мир смотрит на нас. Что вот-вот сейчас послышится дурацкая дразнилка про «тили-тили-тесто», что взрослые ухмыляются, вспоминая себя в нашем возрасте, что бабушки на лавочках покачивают головами, жалея о распушенности молодежи. И вместе с тем сладкое чувство, что мы идем не просто так, а идем рядом потому, что нравимся друг другу. И нравимся уже не по-дружески, а более чувственно.

Это чувство давно уже скрылось под грузом цинизма и тяжелым налетом обыденности. Вернее, я думал, что оно спряталось, а оно... Оно взяло и вылезло наружу. Непонятное чувство удовлетворения жизнью в сочетании с легким счастьем. Я всеми силами старался сдерживать его, но тщетно. Чувство раздвигало губы в улыбке и заставляло чуть ли не парить над землей.

– Тебе на станцию Сибуйа? – спросил я в тот момент, когда молчаливая пауза затянулась.

– Да, я живу на Кун-стрит.

– Одна?

Спросил с затаенной надеждой, что она живет одна и пригласит меня на пиалу чая. Да, я надеялся на это. Что там будет дальше – неизвестно, но хотелось как можно дольше не отпускать девушку. Черт побери, неужели я влюбился? Да ну на хрен.

– Нет, у меня ещё мама есть. Мы живем с ней вместе, правда... – Шакко хитровато взглянула на меня и добавила. – В это время она обычно с соседкой, тетушкой Цинь, играет в «го»...

Ага, значит, это намек на приглашение в гости. А там легкое прикосновение к плечу, «удивленное» вскидывание глаз, подставленные губы и...

Твою же кардиограмму! Вот почему-то самое необычное чувство было глубоко спрятано и похоронено – оно отвлекало от постоянного контроля жизненных ситуаций. Я должен был быть начеку... А сейчас улица выбросила нас прямо в радушные объятия банды молодого господина Ицуми.

И ведь не зря мы так долго сидели в баре. И я старался вести Шакко закоулками, чтобы избежать встречи с гоп-компанией. Старался, но они словно продумали план нашего похода и встретили там, где я ожидал их меньше всего.

Я даже замер на мгновение, когда встретился глазами с ледяным взглядом Ицуми. Всего лишь на мгновение, на один краткий миг... после этого сразу же дернул Шакко за руку назад.

Девчонка тоже оказалась не пальцем деланная – мигом сообразила, что десять человек с разного рода синяками на недовольных рожах вовсе не рецептами приготовления воздушного зефира собрались делиться. Её ноги тоже пришли в движение, и мы полетели по узкой улочке прочь под улюлюканье и мат преследователей.

И даже в этом было что-то романтическое. Мы спасали свои жизни, за нами гнались десять горящих жаждой мести ублюдков, а мне почему-то хотелось подпрыгивать и кричать во всю глотку. Похоже, что гормоны тела Ицуми не дают мозгу работать нормально. А я-то думал, что полностью взял тело под контроль.

– Стой, пидар! Хуже будет!

– Сам пидар! – крикнул я за спину. – Я-то с девушкой бегу!

– А ну остановитесь!

– Ага, сейчас! Только кимоно поглажу! – крикнула Шакко в ответ.

Мы бежали с ней прочь, а казалось, что летели на крыльях...

Недолго казалось. Пока в спину не ударила ледяная волна оммёдо.

– Северная Морось! – услышал я прежде, чем холодное облако обволокло руки и ноги.

Тут же оммёдо начало распространять своё действие на мышцы, замораживая их и превращая из эластичных жгутов в подобия стальных мотков проволоки. Я споткнулся и попытался было клюнуть носом землю, когда горячая рука Шакко подхватила меня.

От раскаленных пальцев моё тело пронзило электрическим разрядом и оцепенение, вызванное ледяным оммёдо, тут же растаяло. Мышцы обрели былую эластичность, а ноги даже сильнее начали отталкиваться от асфальта.

– Не дайте им уйти! – прогремел позади голос Ицуми.

– Стреляй!

– Да мне нечем!

– Снова оммёдо стреляй!

– Северная Морось!

На этот раз я быстро кинул за спину Земляной Щит. Искусством бегать спиной вперед я не обладал, поэтому пришлось подпрыгнуть, перевернуться в воздухе и выполнить необходимые мудры. Преследователи были в десятке шагов от нас, когда белесое облако, которое оставляло на земле морозный след, наткнулось на выросшую из земли преграду. Я прыгнул снова на разворот, чтобы сделать новый щит, когда увидел, как преследователи влетели в облако, затормозившее из-за щита.

Они словно с размаху наскочили на водяную преграду – так замедлился их бег. Земляной Щит не выдержал напора и рухнул, но своё дело он сделал! Преследователи наткнулись на своё же оммёдо. Ух, теперь они явно походили на просыпающихся после спячки мух. Такие же неловкие и неторопливые.

– Используйте вытяжку гепарда! – раздался выкрик Ицуми.

Что это за хрень? Оглядываться и узнавать времени не было. А зеркальце заднего вида у меня на голове не приделано. Я решил не терять драгоценные секунды на получение новой информации, а поднажал что было мочи. На удивление, Шакко бежала быстрее меня, приходилось напрягать все мышцы, чтобы не отстать.

Мы успели выскочить на оживленную улицу. Я заметил указатель станции Токио и потянул Шакко в сторону железнодорожного вокзала. Могли бы поймать машину, но пока выловишь свободное такси, да и вечерние пробки вряд ли дадут скрыться. А вот поезд... Если мы домчимся туда раньше друзей молодого господина Ицуми, то тогда...

Маневрируя между уставшими после рабочего дня людьми, мы тем не менее продвигались к станции. На нас кричали, пытались уйти с дороги и увернуться, но без пары столкновений всё-таки не обошлось. На землю полетел мужчина в деловом костюме и даже попытался сотворить оммёдо мне вслед. Пришлось бросить в него вырванным у другого мужчины дипломатом. Грубо, зато действенно – жесткие ребра дипломата сорвали плетение неизвестного оммёдо.

Да, обладатель дипломата тоже был не в восторге от моего демарша, но хотя бы не стал плести заклинания. Я же прокричал что-то невразумительное и помчался дальше.

– Поднажми, они догоняют! – крикнула Шакко, оглянувшись через плечо.

Как догоняют? Их же толпа, они по любому должны были задержаться, пробираясь через бредущую колонну людей.

Я тоже оглянулся назад и обомлел на миг – нас догоняли гигантскими прыжками. Вот сам бы не поверил, если бы не видел своими глазами. Как будто у десяти человек обнаружили тактические экзоскелеты Окамото. Вот только вряд ли они у них были – свои разработки и технологии клан Окамото никому не доверял. Был один раз, когда я выходил на бой «Черного Кумитэ», но то в награду за спасенную жизнь Масаши...

Теперь же десять человек прыгали над толпой прохожих, матерились, что было сил и продвигались к нам с огромной скоростью. Даже отпрыгивали от стен домов – а это было вообще поведение из рук вон выходящее. Что это за оммёдо такое?

Мои белые волосы они быстро заприметили и двинулись в нашу сторону. Я выдал себя, а вот Шакко...

– Шакко, прячься, я уведу их! – крикнул я и толкнул девушку в сторону газетной тележки.

Удачно толкнул – она запнулась, проехала на животе и скрылась в тени тележки продавца. Мне оставалось теперь привлечь как можно больше внимания и увести придурков. Как птичка-песчанка, которая поведением «раненной птицы» уводит хищников от гнезда.

– Эй, гомосеки хуевы! А ну, поймайте меня! Я ваш рот суши набивал!!! – выкрикнул я и подскочил как можно выше, чтобы заметили наверняка.

– Стой, белокрысый урод! А ну стой! – раздались нестройные выкрики. – Стой, толстый гандон!

Ага, так я и встал. Нашли дурака. Нет уж, меня теперь ничто не остановит. В тот краткий миг, когда я отдалялся от газетной тележки, успел заметить радужный всполох глаз, блеснувших из тени. Как будто пожелание удачи. Это пожелание придало сил, словно в мышцы вкачали сверхдозу допинга. На миг даже показалось, что могу и сам прыгать, как преследователи. Хорошо ещё, что не стал экспериментировать.

Путь до станции «Токио» я преодолел так быстро, как только мог. Не оторвался от преследователей, но и не сократил дистанцию. Я летел как будто на крыльях и в то же время ста-

рался не сбивать дыхание. По пути орал, что меня преследуют извращенцы и хотят дать денег взамен на поруганную честь.

Орал громко, старательно привлекал внимание полицейских и служителей вокзала. Но на орущего толстяка-хинина с растрепанными белыми волосами только смотрели с улыбкой. Никто не принимал меня всерьез. Ну что же, до вокзала оставались считанные метры, поэтому надо было подключать тяжелую артиллерию. Пусть меня лучше арестуют полицейские, чем забьют шокерами прыгающие полудурки-мстители.

Возле стеклянных дверей станции я резко затормозил. Остановился как раз возле офицера крепкого телосложения, который смотрел на бесплатное представление с легкой улыбкой.

– Слышь, друг! Чтобы не случилось, помни – я люблю борщ! – после этих слов я ответил офицеру хорошего леща, отчего его фуражка покатилась по асфальту, и рванул в сторону дверей.

Подобное неуважение к закону должно наказываться и вслед мне полетела резкая трель свистка. Ага, внимание я привлек не просто как клоун, а уже как преступник. Теперь за мной будут охотиться не только мстители-кузнечики, но и полицейские. А это мне было как раз на руку.

С правой и с левой платформы в мою сторону побежали люди в голубых рубашках и синих жилетах. Неплохо! Если удастся свести их с преследователями, а самому уйти на поезде, то вообще будет идеально. Да, уже засветился на камеры, но потом как-нибудь отмажусь, а сейчас...

А сейчас меня догоняли!

– Стой, урод! Заходи слева! Держи вора! Лови ублюдка!

Вот же засранцы, врубили старую кричалку «держи вора». При таком раскладе за мной будут охотиться не только полицейские, но и обычные люди. Уже один молодой человек выпрыгнул передо мной и начал плести оммёдо. Я не разобрал, что это было за колдовство, так как включил «маятник» и начал передвигаться из стороны в сторону.

Люди пытались меня задержать, но разве удержишь летящий метеорит? К тому же прыгающий то влево, то вправо, как наскипидаренная блоха...

Полицейские приближались, толпа впереди смыкалась, позади догоняли преследователи... Куда ни кинь, всюду клин. И полицейские не успевали – преследователи догонят раньше, если только...

– Помогите, хулиганы зрения лишают!!! – заорал я первое, что пришло в голову, а потом прыгнул на гладкий бок поезда.

Забраться с разбегу получилось с первого раза, а потом уже я подтянулся за выступ аварийного тормоза и оказался на крыше вагона. Переводить дух времени не было, так как преследователи могли с легкостью повторить мой маневр, поэтому я дернулся дальше.

Слева в это время двинулся скоростной поезд Хаябуса. Или «Сапсан», если перевести на русский. В общем, дали название ему в честь самой быстрой птицы из семейства соколиных. И как раз этот скоростной поезд начал набирать скорость. Я мчал со всех ног, громко топая по алюминиевой крыше и просчитывая прыжок.

Если всё удастся, то я запрыгну на Хаябусу, а потом, когда тот ещё не успеет основательно разогнаться, спрыгну с другой стороны и дам деру. Смертельный номер, но другого выхода не было – по алюминиевой крыше позади меня стукнули подошвы преследователей.

Я чуть задержал дыхание, оттолкнулся от края толчковой ногой и взмыл в воздух. Теперь я сам был сапаном. Толстым, белокрылым сапаном, который вот-вот ебнется на рельсы и бесславно расстанется с жизнью... Даже руки выставил, чтобы схватиться хотя бы за что-нибудь. Со стороны пассажиров слышались крики ужаса. Какие-то женщины завизжали.

Со стороны пассажиров слышались крики ужаса. Какие-то женщины завизжали. Я завис в легкой имитации невесомости.

И всё-таки мне в очередной раз повезло.

В тот момент, когда мои пальцы должны были скользнуть по металлу и не найти опору, в тот момент, когда жизнь начала было проноситься перед глазами, именно в этот момент я ощутил воздушный толчок в ступни. Как будто выстрелила подушка безопасности и забросила на крышу быстрого поезда.

Что это было? Чьё-то оммёдо?

Времени на раздумья нет, надо двигаться дальше, чтобы успеть оказаться ближе к голове поезда. Если кто и помог, то дай Бог здоровья тому человеку. Я же рванул вперед, стараясь двигаться пригнувшись.

– Слезай, debil! – послышалось сзади. – Слезь и мы оставим тебя в живых!

– Да вот хренушки! – заорал я что было мочи. – Нас не догонишь... Нет, не в той тональности... Нас не догони-и-и-ишь!

Я всё двигался и двигался вперед. Разгоняющийся поезд пока не сшибал ветром, но его легкие толчки не давали расслабиться на обтекаемой крыше. И всё-таки трое из преследователей рванули следом за мной.

Три безумца, которые слишком разгорячились погоней...

Они мчались ко мне со всех ног, а в их руках вместо шокеров поблескивали ножи. Вот и здрасте... Похоже, что живым я им вовсе не нужен. Что же, не я в эту игру захотел поиграть...

Поезд приблизился к перегородке с висящим светофором и пришлось пригнуться, чтобы не быть сметенным железной балкой. Тут же я заметил небольшой проржавевший арматурный прут, который укреплял красный глаз светофора. Рванув за него, у меня получилось вырвать его с корнем. Вот и я вооружен. Не очень хорошее оружие, но на безбрыбье и шуку раком...

Поезд набирал скорость. Уже завыл противно ветер, обещая вскорости сдуть человеческую пылинку с алюминиевой одежды. Преследователи затормозили, приближаясь аккуратнее. Они тоже пригнулись и увернулись от балки светофора.

Приходилось следить не только за ними, но и за тем, что впереди. А впереди был лес стальных конструкций с развесистыми лапами перекрытий и ветками перетяжек. И вся эта прелесть незыблемо возвышалась над блестящими в закатных лучах солнца переплетениями рельс.

– Я даю вам шанс спрыгнуть! Ребята, воспользуйтесь им! У меня к вам нет претензий! – я честно пытался их вразумить.

– Лучше сам спрыгни! Башкой вниз! – рявкнул один из преследователей.

В этот момент я подпрыгнул, чтобы перелететь через небольшую растяжку с рекламой. Троиц парням это тоже не составило труда.

К тому же один из них продолжил полет и приземлился уже возле меня. Не успели подошвы удариться в крышу, как на подставленную арматуру обрушился удар. Арматуру едва не выбило из рук – такой сильный оказался взмах. Если бы держал одной рукой, то клевок ножа достиг бы цели.

Я чуть присел и тут же отбросил нападающего назад. Второй взмах клинка прошел рядом с лицом. В ответ я ткнул концом арматуры в незащищенное горло.

Увы, жестокое время требует жестоких решений. Хлынувшая кровь окатила горячей волной, сделав арматуру скользкой. Преследователь удивленно расширил глаза, а потом рухнул на колени, когда я выдернул своё оружие и отскочил назад. Убитый пошатнулся и рухнул на бок. Гладкий алюминий обшивки позволил ему соскользнуть вниз.

– Он убил Кеничи! – крикнул один из оставшихся.

– Сволочь! – рявкнул другой.

На этот раз они напали вместе. Я завертелся волчком, стараясь удержаться на мокрой от крови крыше, отбить удары и проследить за новыми препятствиями.

Клинки ножей выбили искры из подставленной арматуры. Их тут же подхватил злоющий ветер и унес прочь. Я пнул одного из преследователей и едва не сломал ногу – таким жестким оказалось его тело. Он улыбнулся в ответ и ударил кулаком, метя в висок.

Я уклонился падением и как раз вовремя – новая балка со светофором сбила выпрямившегося врага. Его тело тряпичной куклой отбросило в сторону. Мы остались один на один с последним преследователем.

Ветер уже не просто выл – он орал, стараясь сдуть нас с крыши. Я не смог встать даже на четвереньки, так как это только и нужно было ветру. Он легко стащил бы меня вниз, к звенящей земле.

Последний преследователь оказался в трех метрах от меня. Его скуластое лицо перекосило яростью, и он чуть приподнялся, позволяя ветру стащить его к хвосту. Возле меня он попытался ударить ножом, целясь в грудь. Блок не позволил этого сделать, хотя до горла оставалось меньше полусантиметра.

Удар арматуры тоже прошел впустую – враг блокировал удар и снова собрался пырнуть ножом. В этот момент я взглянул вперед и чуть откатился в сторону. Мимо пронеслась очередная конструкция со светофором. Крик последнего из врагов стих сразу же, как только он исчез за крышей.

И это поезд ещё не набрал полную скорость!

Мне оставалось только спрыгнуть вниз. Но как это сделать, когда внизу земля уже не мелькает, а слилась в грязно-зеленую полосу? Как сделать это так, чтобы не переломать ноги?

И если сейчас не спрыгну, то накроется медным тазом наше завтрашнее свидание с Миноки Икэда...

Блин, в эти минуты думать о потрахушках... Так, стоп! Как раз об этом и стоило подумать!

Решение пришло само собой. Я вспомнил, как занимался сексом с учительницей физкультуры. Мудры сложились сами собой в нужное оммёдо, а потом я выкинул руки с криком: – Облако Любви!

В следующий миг я прыгнул...

Глава 6

Что сказать? Красивого полета не получилось... Да, такого, чтобы с тройным сальто, переворотом в воздухе и шикарным приземлением не было. Эти все трюки кинематограф проделывает, а в реальности...

А в реальности я едва не промазал! Вот вроде бы всё рассчитал, сиганул следом за выпущенным оммёдо, но злой ветер... Эта сволочь внесла свои коррективы в прыжок, и я едва-едва зацепился за край облака, на который должен был упасть, как на перину.

Край облака отпружинил моё толстое тельце и лишь смягчил силу инерции. Впрочем, когда я покатился по насыпи, то мне всё равно мало не показалось. Хотя и успел сгруппироваться, но одежда на локтях и коленях оказалась разорванной в клочья. Зато меня отшвырнуло в сторону от пролетающего поезда, а не под него. А это уже очень большой плюс.

Про царапины и ссадины лучше умолчу – когда остановился, то залечил их с помощью оммёдо. Жаль, что такого нельзя было проделать с одеждой. Пришлось переться до ближайшего магазина и там уже хватать первое, что попало под руку, чтобы успеть до закрытия.

Продавцы только проводили меня удивленными взглядами, но спрашивать ничего не стали, когда я вышел в новой одежде из примерочной, а для старой попросил пакет. Всё-таки есть тут какое-то чувство такта по отношению к клиенту. И оно дало мне возможность не отвечать на вопросы по поводу пятен крови на ткани.

Да уж, денек получился насыщенным. Два раза чуть не погиб под поездом, два раза дрался с одними и теми же ребятами, два раза чувствовал ощущение легкого счастья. Кстати, а как там Шакко?

К счастью, телефон выдержал моё неграциозное перекачивание по земле и камням. Даже не поцарапался.

Я набрал номер и даже чуть улыбнулся, когда услышал знакомый голос:

– Алло, ты где?

– Привет, да где-то в Токио, пока ещё не определился с навигацией. Ты как? Всё нормально?

– Да, они помчались за тобой, а я... Я отправилась в другую сторону.

Вот меня должна была зацепить эта пауза! Должна, но почему-то не зацепила. Эх, Изаму-Изаму, похоже, что твоё тело влюбленными гормонами шарашит по мозгу ракетными ударами. Но нет, я не заметил паузы. Похоже, что снова расслабился, как в случае с засадой. И там должен был предусмотреть, но нет – ракетно-гормонная установка работала от души.

– Это хорошо. А у меня получилось от них смыться.

Я не стал уточнять, каким образом это получилось. Конечно, хотелось похвастаться, но предпочел за лучшее смолчать. Наверное, не хотел, чтобы волновалась...

– Классно! Слушай, а они нас потом не смогут найти?

– Да хрен его знает... Наверное, будут пытаться, но если ты оставила у госпожи Окада свои координаты...

– Нет, не оставляла. Я там была вообще на птичьих правах – в любой момент могла вылететь с работы. От меня требовали только справки о здоровье и о том, что я не могу навредить клиентам при готовке. Вроде как сертификат на поварское искусство, хотя те простенькие блюда, которые готовились на кухне, просто невозможно было испортить.

– Я бы испортил, – вздохнул я в ответ.

– Да ладно, не такой уж ты и рукожоп. Вон, даже получилось от прыгающих лосей убежать.

– Это да... Кстати, а ты не знаешь – что за оммёдо такое они использовали? Какое-то групповое и очень мощное. Мне бы пригодилось...

– Нет, не знаю, – вздохнула в ответ Шакко. – Ладно, будем надеяться, что эти ребята подуются-подуются, да и забудут со временем.

Забудут смерть трех своих друзей? Ну это вряд ли. Скорее всего, я обрел новых заклятых врагов, которым стало крайне важно узнать – что там у меня внутри бьется и стучит. И снова умолчал про это. Снова не захотел волновать. Вот прямо-таки молчаливый герой какой-то. Хотя, чего на девчонку негатив вываливать? Она и так немало натерпелась, пока спасались бегством. У неё сегодня тоже не очень удачный день выдался...

– Будем надеяться. Ну это... Давай тогда. На днях созвонимся, узнаем, что и как, – я постарался вложить в голос как можно больше бодрости.

– Я буду ждать, Изаму. Пока... мой герой.

И ведь сказала так просто и в то же время так мило. Я уставился на экран телефона, который мне нагло сообщил, что разговор окончен. Ещё целую минуту я боролся с собой, чтобы снова не набрать номер. Чтобы снова услышать голос. Даже оплеуху себе отвесил, чтобы вернуть возбужденный мозг в привычную прохладу рациональности.

Оплеуха помогла. Да, пусть на меня испуганно взглянула старушка, неспешно прогуливающаяся под темнеющим небом, пусть торопливо перебежала через дорогу, но зато я сумел взять себя в руки.

– Я комара убил! – крикнул я старушке на другую сторону дороги.

– Я так и подумала! – ответила она и поспешила убраться с моих глаз долой.

Ладно, пусть себе думает, что хочет. Всё равно я её, возможно, больше никогда не увижу. А будет ходить по Токио легенда о белобрысом хинине, который ни с того ни с сего начинает колошматить себя – это неизвестно.

Вместо этого я включил навигатор на телефоне и присвистнул, когда оценил расстояние до дома. Пилить было прилично. Легче взять такси и уже на нем добраться до дома сэнсэя Норобу.

Легче, но прежде надо сделать ещё один звонок.

– Алло, Мизуки?

– Малыш, только не говори, что у тебя снова какие-то неприятности! – раздался из мобильного чуть раздраженный голос дочери оябуна якудзы.

– А, ну тогда это... хорошего вечера.

Я сделал паузу, словно говоря, что есть проблемы, но я могу про них и не говорить. Мизуки поняла всё правильно.

– Да что же мне с тобой делать-то? В какое дерьмо ты снова вляпался?

– Чего сразу в дерьмо-то? – я даже немного обиделся.

– Как чего? Ты же на лотосы не наступаешь – тебе что повонючее подавай. Ещё и других норовишь измазать.

Я горестно вздохнул, как будто сожалея о нестабильности мира на Земле, обо всех печалях и бедах. Постарался сделать это с надрывом, чтобы Мизуки прочувствовала масштаб трагедии.

– А ну перестань вздыхать. Говори, как есть.

Повинуясь приказу, я начал рассказывать. Мизуки не перебивала. Весь рассказ занял не более пяти минут. Да, я оторвался, описывая приключения, постарался показать себя с наиболее выгодной стороны, а преследователей полными дебилами и самоубийцами. В конце же рассказа снова горестно вздохнул.

– Ну ты и дебил, – оценила мои старания Мизуки.

– Чой-то? – я даже слегка опешил.

– А вот так! Тебе надо было оставаться возле полицейского, а не мчаться прочь. Ицуми со своей кодлой вряд ли начали тебя убивать прямо под камерами, да ещё в присутствии полицейского. А так... Ты не только людей Ицуми порешил – ты ещё и полицейских взбодоражил,

чертов хинин. Вскоре найдут три тела, которые упали с поезда. Связать тебя с ними не сможет только полный идиот. Эх, малыш, ты не просто в коровью лепешку наступил – ты в целую телегу навоза зарылся с головой. И как теперь тебя оттуда вытаскивать?

– Может, мне пока залечь на дно?

– Да ты и там всё взбаламутишь. Выход один – сегодня ты едешь в кобан, который находится неподалеку от дома сэнсэя Норобу. Сэнсэй тебе покажет точнее. Я тоже сейчас туда подскочу. Да уж, заварил ты кашу... Точно среди тех троих не было Ицуми?

– Нет, не было. Он держался позади.

– Немного легче. Ненамного, но легче.

– А кто вообще такой этот самый Ицуми? Вроде какой-то аристократ? И что? Что он вообще из себя представляет?

– Он наследник крупной фармацевтической компании «Ицуми Фарма». Поговаривают, что его компания не только лекарства да всякие дженерики выпускает. Что-то ещё исследуется в подвалах заводов и это «что-то» вряд ли призвано улучшить жизнь людей. Полиция не нашла никаких запретных материалов, но это вовсе не означает, что их нет. Скорее, это означает, что полиция ничего не нашла.

– Чего-то замудрено...

– Вот как-то так. Ладно, малыш, я уже выезжаю. Не теряй времени и тоже двигайся в сторону кобана, пока тебя не объявили в розыск. Лучше всё обставить, как несчастный случай, чем как преднамеренное убийство особ, приближенных к аристократу. И это... Ты своей новой подружке ничего не говорил?

– Нет, ничего.

– Ну и молодец. И не надо ничего говорить. Меньше знает – крепче спит. Всё, я выезжаю. До встречи и постарайся хотя бы на пути до кобана никуда не вляпаться.

– До встречи, – сказал я уже сброшенному вызову.

С оглядкой я выбрался на улицу, поймал такси, и аккуратно поместил внутрь своё тело. Пакет с вещами так и не выбросил – лучше сжечь лишние улики дома, чем разбрасываться ими по Токио. Уже внутри машины провел сканирование тела и чуть выдохнул – внутренних повреждений не наблюдалось.

Молчаливый водитель уверенно вел машину сквозь сумерки вечернего Токио, который встречал нас огнями рекламы и сиянием окон домов. По пути я попытался проанализировать случившееся. Как же так всё произошло? Почему люди Ицуми оказались именно в том месте? Они что – знали, куда мы пойдём?

Я не верил в случайность. Даже когда тело Изаму затуманило разум под воздействием гормонов, то всё равно рефлексy продолжали работать. Я же уводил Шакко обходными путями, а побитые бойцы Ицуми вряд ли могли обладать познаниями в тактике и стратегии. И ещё меньше мне кажется, что они изучали науку заметания следов.

И вместе с тем, десять человек не были обескуражены нашим появлением. Очевидно, что они нас ждали. Слежки за нами не было, так что...

Я сунул руку в пакет и начал прощупывать одежду. Действовал неторопливо, ведь с развитием технологий «жучка» можно спрятать где угодно. GPS-трекер можно купить недорого, а уж с функцией маяка мы могли прогуливаться по всему Токио и нас запросто обнаружили бы в любом месте.

Есть!

Маленькая, величиной со спичечную головку, горошина обнаружилась в кармане. На вид она походила на черный камешек, вот только вряд ли какой камешек будет обладать такой идеальной формой и небольшим швом ровно по середине.

А это означало, что меня и сейчас могли вести. То есть, я сам лично едва не привел шайку Ицуми в гости к сенсею Норобу? Мда, вот сюрприз был бы старику. А ведь после смерти троих

своих друзей эти утырки вряд ли будут вооружены только шокерами и ножами. На их месте я бы вооружился по меньшей мере гаубицей или ракетой «земля-воздух».

Кстати, о месте... Я опустил стекло и выкинул «горошину» подальше. Пусть теперь меня поищут. На всякий случай прощупал одежду ещё раз. Вроде бы всё чисто. Кровь неудачных преследователей уже успела свернуться и теперь осыпалась, оставляя на пальцах темно-бордовые чешуйки. Эти чешуйки тихо падали на резиновый коврик такси. Я же в задумчивости уставился в окно.

Косяков напорол немеряно. И как теперь с ними расхлебываться?

Конечно, можно было прогнуться под этого полудурка Ицуми и притащить ему проститутку обратно, но... Нет, нельзя было прогибаться. Если я не могу защитить тех, кого поставлен защищать, то грош цена мне, как защитнику. В своём мире я также думал при взгляде на футболистов, которые получали миллионные зарплаты, а играть не умели. Не стоили даже тысячной доли своих запредельных амбиций.

Так и Ицуми... Новый враг, скорее кровник. Так просто аристократ от меня не отступится, ведь плевок хинина в гладкую кожу смывается только кровью. Или же осыпается бордовыми чешуйками на коврик таксиста. Даже если он власть, то не стоит забывать о том, что есть те, кому на эту власть накласть.

Если бы появилась возможность вернуть время назад, то вряд ли я поступил бы иначе. Жестче, безжалостнее, осмотрительнее – да, но не иначе. А то вздумали палить Северной Моросью...

Я вспомнил прикосновение обжигающих пальцев Шакко к руке, от которого наваждение заволаживающего оммёдо спало. Если принять во внимание то, что она вымела всех из дома госпожи Окада огненным штормом, то нетрудно сложить два плюс два. Шакко явно была специалистом оммёдо Огня.

А вот преследователи воспользовались... А чем же они воспользовались?

Какой-то вытяжкой гепарда? Вытяжкой, которая поборол Северную Морось и даже придала сил для гигантских прыжков. Явно в подвалах Ицуми готовят не только витаминки. Я вспомнил удар ногой по одному из преследователей – как будто по каменной стене ударил. И если это не оммёдо, то это что-то из разряда супердопинга.

И с производителем этого супердопинга я посрался... Да, Изаму, умеешь ты заводить друзей...

Хотя, сегодня я познакомился с Шакко, так что да – Изаму умеет заводить друзей. И при воспоминании о радужном свете глаз девчонки уголки губ невольно разъехались в стороны. Впрочем, они тут же вернулись обратно, когда мы подъехали к дому сэнсэя. Стоящий сэнсэй олицетворял собой статую вселенского горя и недовольства. Из-за заборчика выглядывала любопытная мордашка Киоси. Я выскочил и отдал ему пакет с вещами, прошептал:

– Спрячь пока, а лучше сожги. Потом всё объясню.

После этого я запрыгнул на место в такси и помахал рукой Норобу. Он так и не сдвинулся с места, пока я совершал свой демарш. Даже не поинтересовался – что находится в пакете?

Хмурый сэнсэй взглянул на меня сквозь стекло и жестом велел подвинуться. Через пару секунд он сел рядом и сказал:

– Такаги-сан, ты долбоёб!

– Хоть что-то в этом мире остается неизменным, – вздохнул я. – Я тоже рад тебя видеть, сэнсэй.

– Куда везти дальше? – спросил водитель.

– Квартал прямо, потом на светофоре налево и через два квартала направо. Там остановите возле кобана, – проговорил Норобу.

Водитель кивнул и повел машину по указанному адресу. Норобу же наклонился ко мне и начал цедить слова ядовитыми каплями:

– Значит так, белобрысый осел, сейчас ты будешь изображать испуганного мальчишку, который вот-вот ударится в слезы. Еслипустишь слезу для достоверности, то будет даже лучше. Теперь не перебивай, а запоминай. Ты спасал свою жизнь, когда в публичном доме произошла буча. Тебе недавно исполнилось восемнадцать лет, и ты решил избавиться от девственности. Так как ты хинин, то тебе никто не давал, вот и решил воспользоваться услугами профессионалов. Выбрал публичный дом подальше от своего места жительства, чтобы не ходило слухов. Ты трахался с крашеной блондинкой Мико. Кончил два раза. Когда же началась драка, то ты уже уходил. Ты первый раз видел нападавших и хотел только убежать. Охранники госпожи Окада подтвердят твои слова. Девчонки подтвердят. Даже сама госпожа Окада подтвердит, но ты останешься должен за это Мизуки немаленькую сумму. Охранники выгнали бойцов Ицуми, а ты остался пережидать в баре. После получаса ожидания ты отправился домой и наскочил на тех самых бойцов. Убегал и просил защиты у полицейского. От страха нес какую-то чушь и даже нечаянно сбил фуражку. После этого помчался дальше. Ты так испугался за свою жизнь, что запрыгнул на быстрый поезд. Когда тот набрал скорость, то тебя сдуло ветром. Ты ничего не знаешь о судьбе троих. Ты напуган и раздавлен. Ты хочешь только одного, чтобы тебя защитили. Всё запомнил?

Я в ответ только кивнул. Вроде бы получалось связно. Если ещё полицейские будут лояльны, то может и прокатить.

– Запомни, ты испуган так, что яйчишки барабанную дробь выбивают. Ты молод, забит и зачухан. Так надо. Весь свой гонор и мораль задвинь подальше, а то это сделаю я. Вот мы и подъехали. Как раз машина Мизуки стоит.

Мы подъехали к кобану. Я расплатился с таксистом, после чего мы вышли на улицу. Мизуки тоже показалась под освещением здания кобана. Она была как всегда элегантна и подтянута. Если каким женщинам и шел брючный костюм, то возглавляла эту когорту Мизуки Сато.

– Прекрасно выглядите, госпожа Сато, – сделал я вежливый поклон.

– Малыш, не надо официоза. Тебе уже всё сказал сэнсэй? – отмахнулась Мизуки.

– Да, то что я долбоёб, а ещё что напуган и вот-вот обосрусь.

– Ну, основную мысль ему удалось донести, а дальше уже дело дипломатии. Всё, начинай дрожать и всего бояться. Пошли...

Мы зашли в кобан, где за столом сидела очаровательная сотрудница полиции. Черная челочка, карие глаза, губки бантиком. А уж как ей шла форма... Вот если Мизуки шел брючный костюм, то сотруднице полиции шла полицейская форма. Она как будто была рождена для неё.

Интересно, а как эта красотка выглядела бы без формы?

Похоже, что Мизуки заметила блеск в моих глазах, так как тут же наступила каблуком на ногу. Неприятно, скажу я вам. Это сразу заставило посмотреть на сотрудницу полиции как на сотрудницу полиции, а не как на объект вожделения.

– Здравствуйте, что у вас? – встала и поклонилась девушка.

– У нас вот он, – подтолкнул меня в спину сэнсэй Норобу. – Беззащитная жертва дискриминации и аристократического произвола.

– И мы хотели бы, чтобы наше заявление проследовало лично в руки генерального суперинтенданта Микасё. Это просьба лично господина Сато, а я его дочь, – веско заметила Мизуки.

– Неужели... – распахнула глаза девушка-полицейский. – Вы та самая...

– Да, но не это важно. Тут обычно сидел ваш напарник, Хизока Исузи. Мы хотели было обратиться к нему, но...

– Хизока сегодня приболел, – поспешила ответить девушка. – Я дежурю за него. Меня зовут Наоки Хикамару.

– Наоки, тогда я попрошу принять вас принять заявление от моего ученика, – церемонно поклонился Норобу. – Думаю, что вы с достоинством понесете бремя дежурства и не замараете честного имени Хизока.

– Да-да, я слушаю, – торопливо сказала Наоки и даже придвинула ноутбук. – Я готова записывать ваши показания.

Снова каблук наступил мне на ногу, и я начал представление одного актера. Мой красно-речивый монолог иногда прерывался всхлипами и просьбами о стакане воды. В итоге, за время рассказа, выдул не меньше трех литров. Молчаливые зрители за спиной терпеливо ждали, пока я закончу своё дуракаваляние и выгораживание.

Пальцы Наоки быстро порхали над клавиатурой, записывая с моих слов легенду о бедном ученике старших классов, который измучился от сперматоксикоза настолько, что решил обратиться к профессионалкам сексуальных утех. И какую потом моральную травму я получил, когда довольный и счастливый попал в лапы злых утырков...

Я был убедителен, даже получилось втихоря плеснуть остатками воды в глаза, чтобы изобразить слезы. А уж то, что моя одежда была новенькой и недавно с иголки, так это я предельно ясно высказался, что упал с поезда, измарался в мазуте, грязи и порвал всё в клочья настолько, что пришлось покупать новую.

Наоки закончила печатать мою слезливую историю, размяла пальцы и распечатала пятнадцать листов моего признания. Пятнадцать! Это не каждый выдержит, а я ведь ещё особо и не старался. Зато на бумаге всё выглядело умиротворительно и в зефирно-розовом цвете. Подумать на то, что я недавно помог отправиться на тот свет троим молодым парням, можно было с очень и очень большой натяжкой. Я никогда настолько плохо про себя не говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.